

Марина С. Серова
Круто закручено. Дамские штучки
Серия «Частный детектив Татьяна Иванова»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6183747
Серова М. С. Круто закручено; Дамские штучки : повести : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-65546-5

Аннотация

«Круто закручено»

Каково это хрупкой молодой женщине – прийти вечером домой и под дверь обнаружить... труп незнакомого мужчины? А когда такое – два вечера подряд? Бр-р-р... Но если «хрупкая и молодая» – это не какая-то изнеженная особа, а частный детектив Татьяна Иванова, то вместо обмороков и визгов быстро закрутится следствие и приведет, естественно, к убийце. Татьяне придется поломать голову над разными загадками. В том числе и над появлением у ее порога двух покойников...

«Дамские штучки»

В кои-то веки частный детектив Татьяна Иванова решила развяться, наметив себе культурно-развлекательную программу. Но на модной выставке известного живописца девушку поджидал новый клиент – импозантный бизнесмен Андрей Марусич. В его семье, принадлежащей к древнему датскому роду, из поколения в поколение передавалась старинная реликвия – золотой варяжский щит с изображением голубого леопарда. Щит и был украден, и теперь Марусичу срочно нужна помощь частного детектива...

Содержание

Круто закручено	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марина Серова

Круто закручено. Дамские штучки

Круто закручено

Глава 1

Я сидела в машине, откинувшись на спинку, с тоской жевала холодные пирожки и внимательно слушала. До чего же я не люблю холодные пирожки! И до чего занудную работу нам, частным детективам, приходится иногда выполнять. А еще говорят, что мы дорого берем. Да за такое надо платить в три раза больше, а молоко за вредность выдавать два раза в день.

В наушниках назойливо жужжали голоса, доносились звуки шагов, обрывки каких-то разговоров, какой-то непонятный гул, какой-то непонятный скрип. В отчете я такое называю: «нормальный рабочий шум большого магазина». И весь этот нормальный, а по сути дела, совершенно ненормальный, шум перекрывал голос, ставший мне за два дня непрерывной слежки настолько знакомым, что я, кажется, запомню его теперь на всю оставшуюся жизнь. Сейчас голос произнес:

– Девушка, мне этот комплект покажите, пожалуйста! Нет, нет, не этот, а тот, который справа, розовый в крапинку...

Розовый ей хочется посмотреть, и обязательно, чтобы в крапинку. Интересно, в какой отдел ее сейчас занесло? Вообще, давая согласие следить за ней, я никак не ожидала, что эта энергичная дамочка будет метаться по магазинам с таким упорством и такой скоростью. Похоже, она решила побывать везде, куда только может ступить нога покупателя. И времени она не щадила: ни своего, ни моего. Ее, кажется, интересовало все: в «Посуде» и «Тканях» она проводила столько же времени, сколько в «Сувенирах» и «Товарах для новорожденных». Она разглядывала, щупала, приценивалась, но ничего не покупала. Более того, ничего она в этих магазинах покупать не собиралась. Я это поняла еще вчера.

Мысль назначить встречу для передачи информации в каком-нибудь достаточно людном отделе супермаркета была неплоха и довольно легко осуществима. Так что я следовала за моей подопечной как тень, а магнитофон записывал каждую ее фразу, каждое слово. Но ни одной подозрительной встречи, ни одной подозрительной реплики я выделить не могла. Причем я уверена, что о слежке она не подозревала. То есть дамочка вполне могла предположить, что за ней следят, и поэтому соблюдала чрезвычайную осторожность. О моей скромной особе, ручаюсь в этом, она не имела никакого представления. Я ни разу не подошла слишком близко, ни разу не встретила с ней глазами. А если мы и встретились пару раз за эти два дня, она все равно меня не запомнила. В моей машине имелся в запасе небольшой гардероб, так что я имела возможность постоянно менять шляпки и кофточки – первое и главное, что видит женщина. Спросите у женщины, какие глаза у ее собеседницы, и она затруднится ответить, а вот шляпку опишет со всеми подробностями.

Лариса Витальевна действовала весьма профессионально. Есть такой испытанный прием: если ты считаешь, что за тобой следят, – води самый активный образ жизни. Например, ходи по магазинам, по базарам, будь постоянно в толпе, обменивайся репликами с незнакомыми людьми, усыпляй бдительность того, кто следит за тобой. А когда он привыкнет к этому твоему мельтешению, скройся или при малозначительном контакте передай своему контрагенту нужную информацию.

Меня от всех дамочкиных шпионских приемчиков злость брала: это она меня хочет перехитрить. Меня, знающую все подобные фокусы наперечет, от первого до последнего.

Сегодня я решила дать себе небольшую передышку. Села в машину, сбросила туфли, вытянула ноги и устроила скромный обед. Даму я, естественно, все это время продолжала аккуратно «пасти». Микрофон работал безотказно, магнитофон записывал, а я, уничтожая предусмотрительно захваченные с собой пирожки и запивая их горячим кофейком из термоса, внимательно слушала. И ручаюсь, что за все это время ни одного подозрительного звука, ни одного слова, которое могло бы послужить хоть чем-то вроде пароля, ни одного неоправданного шороха не было. Так что работала я пока впустую и клиенту своему ничего толкового сообщить не могла.

Странный какой-то на этот раз попался мне клиент... Конечно, по долгу службы я достаточно часто сталкивалась с так называемой «изнанкой супружеских отношений». За несколько лет работы частным детективом меня нанимали и мужья – следить за женами, и жены – следить за мужьями, а также любовницы – за женами своих любовников, и жены – за любовницами своих мужей... Любовные треугольники для меня теперь просто ерунда, примитив и прошлый век. Мне приходилось работать с настоящими любовными многогранниками. И без ложной скромности я могу сейчас сказать, что стала крупнейшим специалистом в этой области.

Подобные дела, мягко говоря, не относятся к разряду моих любимых. Точнее – я эти внутрисемейные дразги вообще терпеть не могу. Но если частный детектив будет выбирать только ту работу, которая ему нравится, то он рискует остаться вовсе без клиентов. А, что ни говори, девушке надо кушать, причем желательно три раза в день. Одежда ей тоже нужна, и качественная косметика, и кое-какая современная оргтехника. Существуют и некоторые другие потребности... А именно гонорары за столь нелюбимые семейные дела составляют основную долю моего ежемесячного дохода.

Так вот, несмотря на то что я хорошо знаю многочисленные сложности в супружеских отношениях, этот клиент сумел меня удивить. Явился он без предварительного звонка, весьма сухо представился, сунул мне визитку, очень приличного, кстати, качества. Ламинированную, с голографическим значком и изящным шрифтом на двух языках напечатанными данными: Вересов Геннадий Валентинович, директор НПКиФ «Химсинтез», домашний и рабочий адрес, телефоны.

Ему почему-то не понравилось мое кресло. Оно, конечно, не итальянское, а наше, изготовленное местной фабрикой. Но кресло вполне приличное, не раз сиживали в нем – и никаких претензий не заявляли! – люди довольно ответственные. Среди них даже был, между прочим, один академик. И сидел он в этом кресле с удовольствием. А этот как-то нехотя присел на краешек, не касаясь спинки, будто боялся испачкать серый, довольно плохо сидящий на нем пиджак, и хмуро уставился на меня.

Да бог с ним, с креслом. Клиенту ведь и я не понравилась. Уж не знаю, чем я ему так не угодила? Мне, конечно, далеко не восемнадцать, но и тридцать будет совсем не скоро. Выгляжу я для своих лет очень даже прилично: спортивная подтянутая фигурка, прекрасные светлые волосы (о том, чего мне стоит держать их в столь ухоженном состоянии, промолчим), хорошая кожа, привлекательное личико, неброский макияж. Я не настаиваю на том, что все мужчины без исключения должны падать без сознания к моим ногам, но и к столь суровым взглядам не привыкла. И привыкать не собираюсь.

Тем более что сам посетитель никак не мог претендовать на титул «мистер Вселенная». Напряженно выпрямившись, словно я предложила ему не мягкое удобное кресло, а кухонную табуретку, передо мной сидел человек среднего роста, лет сорока, с невыразительным лицом и полублысиной, обрамленной тусклыми, словно припорошенными пылью, редкими волосами. Неопределенного цвета светлые глаза и удлинённый, выдающийся вперед подбор-

родок общего впечатления никак не улучшали. Костюмчик на нем тоже был средненький и довольно поношенный... И эта серая личность еще имела нахальство не прийти в восторг от моей внешности!

Я повертела в руках жесткий прямоугольник визитки и сказала довольно сухо:

– Слушаю вас, э-э... Геннадий Валентинович.

– Мне рекомендовали вас как человека, работающего четко и эффективно, – и голос у него был какой-то каркающий. М-да, встречались в моей практике клиенты и посимпатичнее. – Кроме того, мне сказали, что вам можно доверить конфиденциальную информацию...

Последняя фраза прозвучала скорее не как утверждение, а как вопрос. Я с достоинством наклонила голову:

– Конфиденциальность есть основополагающее правило моей деятельности.

– Хорошо, – он пожевал немного губами, продолжая меня разглядывать. – Должен признаться, Татьяна Александровна, я представлял себе вас несколько... иначе. Но это не важно. Я сейчас нахожусь в довольно сложной ситуации. Моя жена... – он снова замолчал.

Я терпеливо ждала продолжения. Конечно же – жена. Из-за кого же еще могут появляться у меня подобные типы? Такие вот серые и полулысые приходят ко мне исключительно из-за жен. Ха, он в сложной ситуации! В простых ситуациях люди ко мне не обращаются, решают свои проблемы сами. Сейчас скажет, что у него сложилось впечатление, будто у жены есть любовник. И он хотел бы иметь доказательства...

– Моя жена... – наконец продолжил Вересов, – я подозреваю, что она передает некоторую информацию... Важную техническую информацию, – подчеркнул он, – представителям конкурирующей фирмы.

Ого! Вот, оказывается, какая птица ко мне залетела! Адюльтером здесь и не пахнет. Это пернатое совсем другой породы. Здесь пахнет промышленным шпионажем. Такой поворот дела меня вполне устраивал.

– Для подозрений есть серьезные основания? – я вынуждена была подать голос, потому что Геннадий Валентинович снова замолчал.

– Основания? – Он встал и начал расхаживать по комнате. – Основания имеются. Первое. Наша фирма давно ведет разработки в области... – Вересов остановился, с некоторым сомнением взглянул на меня и снова зашагал. – Одним словом, это что-то вроде сверхпрочного волокна на негорючей основе. Причем себестоимость, которой мы в состоянии добиться при промышленном выпуске, сделает производство этого волокна очень выгодным. Кроме нас, в Тарасове имеется еще одна фирма, занимающаяся той же проблемой. – Он задержался у окна, повернулся к нему спиной и положил руки на подоконник. – Когда-то давно, еще при советской власти, мы все дружно работали в одном НИИ. Знаете, как это бывает: террариум единомышленников... Потом практически каждая лаборатория превратилась в отдельную частную фирмочку. Барахтались все очень активно и усердно, но выжить в конечном результате удалось только двум: нам и нашим, теперь основным, конкурентам – фирме «Менделеев». Возглавляет ее бывший сотрудник нашего института Андрей Григорьевич Сивопляс. Человек, скажу вам, весьма нечистоплотный. Я знаю его достаточно хорошо и могу вас заверить, что он способен на любую подлость.

Геннадий Валентинович с силой оттолкнулся от подоконника и снова стал расхаживать. Находясь в движении, он явно чувствовал себя гораздо комфортнее. А может быть, все дело в том, что он наконец принял решение и теперь перекладывал свои сложные проблемы на мои хрупкие плечи.

– Так вот, когда мы начинали, естественно, отправная точка была общая – наследство нашего безвременно сгинувшего в пучине перестройки института. Но я же знаю, кто собрался в «Менделеев»... Их и близко нельзя сравнивать с моими ребятами! Они там вполне толковые специалисты, но не разработчики – исполнители, своих идей ни на грош...

И, представьте себе, в последнее время они стали нас догонять. Причем не просто быстро, а слишком быстро. Недавно впервые заговорили о выпуске своего, якобы разработанного ими, волокна. Не знаю... Некоторые у нас, в совете директоров, считают, что у меня мания преследования... Но технические характеристики, которые они анонсировали... Они же один к одному совпадают с нашими!

Вересов довольно неожиданно для меня прервал свое хождение, почти подбежал к креслу и рухнул в него. То ли признал все-таки, что в моем кресле тоже можно сидеть, то ли совершил этот поступок в состоянии аффекта. Я так и не успела обдумать его поведение, потому что он тут же вскочил, выпрямился, протянул вперед правую руку и страшным голосом произнес: «Никогда!» Ну прямо как благородный герой на спектакле художественной самодеятельности.

– Никогда! – так же горячо повторил он. – Да никогда не поверю, что «менделеевцы» за какие-то полгода, без посторонней помощи, сумели получить результаты, над которыми мы работали несколько лет!

– Ясно, – его недавняя сухая деловитость была мне по душе гораздо больше, чем теперешняя пылкость. – Вы уверены, что существует утечка информации. Но почему вы думаете, что в этом виновата ваша жена?

– Круг лиц, имеющих доступ к материалам, в которых зафиксирован процесс выработки волокна, достаточно узок, – Геннадий Валентинович пожал плечами. Он словно почувствовал мое отношение и снова стал серым и невыразительным. – Мы, конечно, не режимное предприятие, особой секретности у нас никогда не было, но важные документы хранятся в сейфе, так что человеку со стороны добраться до них... не знаю, достаточно сложно. А Лариса... Лариса Витальевна... Я довольно часто работаю дома, так что она имеет возможность... – голос его чуть дрогнул, но он откашлялся и твердо закончил, – имеет возможность видеть материалы самых последних данных по нашим разработкам.

Вересов опять встал, подошел к окну и несколько секунд молча смотрел во двор. Потом, не оборачиваясь ко мне, продолжил:

– Я не представляю, что могло толкнуть ее на это. Нет, что я говорю, конечно, представляю. Ларочка моя не то чтобы глуповата... Хотя звезд с неба она, конечно, не хватает. Я бы сказал так: она недопустимо наивна, не по нашей жизни. И вполне может быть, что ее обманули... Этот Сивопляс, я уже, кажется, говорил вам, человек крайне нечистоплотный. А тут еще я... Последнее время наши отношения с женой несколько испортились. Лариса Витальевна почти не бывает дома. Я уже не помню, когда мы последний раз разговаривали по душам, месяц, может быть, прошел. – Он отвернулся от окна, но смотрел не на меня, а на свои руки, сжимая и разжимая пальцы, разглядывал их так, словно видел впервые в жизни. – Откуда-то взялась целая толпа подруг, у нее постоянно какие-то дела, какие-то встречи и вообще... У нас довольно большая разница в возрасте, и я постоянно занят на работе, так что возможно... Я хочу, чтобы вы проследили за ней. Да, да, именно проследили. Мне кажется, что во время этих встреч она передает информацию...

– Геннадий Валентинович, если ваша жена даже с кем-то встречается, почему вы решили, что это обязательно связано с разработками вашей фирмы?

– Мне наплевать, если она нашла себе любовника! – Он взорвался так неожиданно, что я чуть не подпрыгнула. – Поняли?! На ее мужиков мне наплевать! Но если она ворует информацию и передает ее конкурентам, то это перестает быть моим личным делом, судьба слишком многих людей зависит от результатов нашей работы!

К тому, что клиенты не всегда со мной откровенны, я давно привыкла. А у этого явно два больных места: технология и жена. Если ему действительно наплевать на то, с кем встречается его жена, зачем же так орать?

Вересов тем временем взял себя в руки и продолжил в своей обычной деловой манере:

– Для нашей фирмы очень важно выйти на рынок с волокном первыми. Столько сил потрачено, столько денег. Люди работали как каторжные. И что, все зря? Только из-за того, что я не смог справиться с женой? Простите, у вас попить не найдется?

– Что? Ах, да, конечно! Чай, кофе, минералка?

– Минералки, если можно, холодненькой.

Я достала из холодильника бутылку «Славяновской», налила воды в высокий, тонкого стекла стакан, подала ему. Бутылку поставила на стол и снова села, ожидая продолжения. Вересов жадно, в несколько глотков, выпил минералку, налил еще и со стаканом в руке снова отошел к окну.

– Не знаю, насколько сложной будет ваша задача, никогда раньше не приходилось следить за собственной женой, – его передернуло. – Но должен предупредить, что Лариса Витальевна умная женщина и, если она действительно замешана в делах с «Менделеевым», будет очень осторожна.

– Геннадий Валентинович, вы не совсем последовательны, – решила я уточнить деталь, для меня немаловажную. – Как вы все-таки считаете, умна ваша жена или глуповата?

– Ну, ум у нее, я бы сказал, по-женски избирательный. – Стакан в руке помогал ему держаться спокойнее. Он делал маленькие глотки между фразами и продолжал говорить ровным голосом: – В химии она полный профан. Что периодическая система элементов действительно существует, она просто поверила мне на слово.

– Но знание химии, кажется мне, вовсе не главное достоинство для женщины. И тем более – для жены.

– Наверное. – Он сделал очередной глоток. – Но иногда хочется вечером, после работы, поговорить с близким человеком о том, что было сделано за день. Если бы она лучше представляла себе, чем я занимаюсь, может быть, мы все и не попали бы в эту кошмарную ситуацию. А так, как человек, как женщина, Лариса Витальевна очень умна. Вы знаете, мы прожили уже шесть лет и... в данной ситуации это, конечно, звучит нелепо и смешно... но мы были счастливы. – Он наконец поднял голову и уставился на меня своими светлыми глазами. – Не так давно она рылась в моих бумагах. Она потом постаралась привести все в порядок, но это невозможно – я сразу заметил.

– И как ваша жена это объяснила?

– Я не говорил с ней об этом. – Вересов продолжал смотреть мне в глаза. – Я ни о чем ее не спрашивал. Я... не могу.

И он еще рассуждает о «по-женски избирательном уме»! Ведь неглупый, наверное, мужик, химик, директор фирмы. Волокна вон какие-то новые изобретает. А поговорить с женой по-человечески не может, к частному сыщику бежит. Ну что ж, не мне жаловаться, именно благодаря таким людям я зарабатываю на свой кусок хлеба.

– Значит, если я правильно поняла ваше задание, вы поручаете мне следить за вашей женой с тем, чтобы доказать ее участие или ее полную непричастность к промышленному шпионажу, направленному против вашей фирмы?

– Я... Да. Участие или полную непричастность.

– Тогда я вынуждена задать вам еще несколько вопросов. И, пожалуйста, отвечайте на них откровенно, ибо задаю я вам их не из праздного любопытства, а для того, чтобы выстроить план своей работы.

– Буду предельно откровенен, – согласился он, не задумываясь.

– Деньги. Нуждается ли Лариса Витальевна в деньгах? Не могла ли она продать результаты ваших исследований, чтобы получить значительную сумму?

– Не думаю. Лишних денег у нас нет, но Лариса Витальевна вполне обеспечена. Потребности у нее не особенно велики, и она имеет полную возможность их удовлетворять. Нет, в деньгах она не нуждается.

Ответ чистосердечный, но меня он не удовлетворил. Редко какой мужчина может себе представить, каковы потребности женщины в деньгах. Даже не в деньгах, а в тех предметах, которые можно за деньги приобрести. Так что деньги в качестве причины пока остаются.

– Шантаж? Не замечали вы последнее время что-нибудь странное в поведении жены? Какое-нибудь беспокойство, нервные срывы?

– Нет, не замечал... А точнее, откровенно говоря, не обращал внимания. Я ведь говорил – последнее время мы не очень-то ладили.

Понятно, значит, и шантаж не исключен.

– Любовник?

– Здесь я вам тоже ничего сказать не могу.

– Какие-нибудь другие причины? Что-нибудь неестественное, что бросилось вам в глаза? Подумайте, постарайтесь вспомнить.

Он думать не стал. И вспомнить тоже не попытался.

– Нет, никаких причин, которые могли толкнуть Ларису Витальевну на то, чтобы передать кому-то формулы, я не вижу. Поэтому к вам и обратился.

Что же, все правильно. Сам разобраться не может, поэтому ко мне и обратился. И ни одна из названных мною версий не исключается. Как и все остальные, которые я не называла и о которых пока представления не имею.

– Хорошо. Я возьмусь за эту работу. Теперь обсудим технические детали.

Основной технической деталью является, естественно, мой гонорар. Вересов, не моргнув, согласился на мою ставку – двести долларов в день и тут же заплатил аванс. Похоже, пора повышать расценки.

Потом мы поехали к нему. Супруги дома не оказалось. Кажется, только у себя в квартире, стоя посреди спальни, куда он привел меня, совершенно постороннюю женщину, и рассказывая мне о жене, Вересов начал понимать некоторую неэтичность своего поведения. Ему было явно неловко, но держался он неплохо и ответил на все мои вопросы. Угрюмо и коротко, но ответил.

– Нет, машину Лариса Витальевна сама не водит. Иногда она просит меня подвезти ее куда-нибудь, но в основном пользуется общественным транспортом... Платье? Да нет, каждый день разные. У нее их много. Я, конечно, не присматривался, но вроде вчера она была в красненьком сарафанчике, а сегодня ушла в чем-то таком зеленоватом. Топик и юбка, кажется... Сумочка одна, крохотный ридикульчик на длинном ремешке. А все покупки складывает в пакеты. Знаете, как в американских фильмах, там герои всегда возвращаются из магазинов с охапкой разных пакетов, вот и Ларочка так же...

Я с умным видом кивала головой, слушая, как он, морща лоб и сбиваясь, перечислял ее подруг, диктовал адреса шейпинг-клуба и парикмахерской, заглядывая в большой блокнот, который он выудил из глубин секретера. Вересов старался держаться холодно-нейтрально, но по тому, как он несколько раз оговорился, сказав «Ларочка» вместо «Лариса Витальевна», по тому, как он отвернулся, когда я бесцеремонно рылась в платяном шкафу и на книжных полках, было ясно, насколько все это для него неприятно и мучительно.

Кстати, подбор литературы показался мне забавным. Несколько любовных романов, среди них пара знакомых мне, довольно неплохих; детективы Гарднера и Дика Фрэнсиса, фантастика – Андре Нортон, Урсула ле Гуинн и Лоис Буджоулд. Несколько неожиданно в этой компании смотрелись сборники пьес Бернарда Шоу и Оскара Уайльда, и уж совсем меня удивил потрепанный томик Лессинга из «всемирки». А вы, оказывается, сентиментальны, Лариса Витальевна...

Плюнув на собственные интересы и оставив в покое книги, я спросила у Вересова:

– Геннадий Валентинович, а может, зря вы все это затеяли? Сядьте вечером с женой, поговорите с ней... Честное слово, я с вас даже денег за сегодняшний день не возьму, аванс верну!

– Нет, – он хмуро посмотрел на меня. – Убедительно прошу вас, Татьяна Александровна, заняться этим делом и довести его до конца.

– Ладно, – пожала я плечами. В конце концов, как этот изобретатель сверхпрочных волокон будет с женой объясняться, когда я уличу ее в шпионаже, не мои проблемы. – Тогда попрошу вас, когда Лариса Витальевна придет, прикрепите этот микрофон к ее сумочке. Она ведь всегда с одной и той же сумочкой из дома выходит, я правильно вас поняла?

– Да, – Вересов растерялся. – Но как же? Что, вы и разговоры ее будете записывать?

– Геннадий Валентинович, – я старалась говорить как можно более ласково, – давайте еще раз повторим. Вы хотите знать, с кем встречается ваша супруга, о чем она разговаривает и не идет ли речь в этих разговорах о секретной информации, касающейся работ, которые ведут в лабораториях вашей фирмы, так?

– Так, – вынужден был он согласиться.

– Тогда попробуйте представить себе, как я об этом узнаю? Думаете, я превращусь в мушку-дрозофилу и стану кружить над головой Ларисы Витальевны, запоминая все ее встречи и разговоры?

– Нет, конечно! Просто я не ожидал... микрофон...

– Микрофон и магнитофон являются в наши дни простейшими техническими средствами, необходимыми при осуществлении элементарной слежки, – вынуждена была я заняться просвещением щепетильного клиента. – Что вас так пугает, Геннадий Валентинович?

– Да нет, ничего, Татьяна Александровна. Разумеется, вы совершенно правы. Просто для меня это все немного непривычно.

– Естественно, непривычно, – согласилась я. – Так вы прикрепите микрофон?

– Да, конечно, давайте.

– Вот, – тонкая булавочка микрофона в его больших пальцах казалась совсем крохотной. – Воткнете в сумочку сбоку. Я буду и слушать, и записывать, так что сможете получить полный отчет. Причем не только с моих слов, но документально достоверный. Да, еще одна проблема. Насколько я понимаю, к вашему сейфу с документацией у Ларисы Витальевны доступа нет.

– Исключено. У нас на работе она не бывает.

– Значит, единственным источником информации для нее могут служить материалы, которые вы берете домой?

– Совершенно верно. Поэтому я вот уже несколько дней не работаю дома. При необходимости задерживаюсь в фирме.

– Понятно... Тогда у меня к вам такая просьба. Сегодня возьмите какие-то материалы домой. Поработаете вечером. А потом оставите их где-нибудь так, чтобы супруга могла с ними ознакомиться...

– Как?!

– Я что, непонятно объясняю?

– Но это же почти провокация!

– Если вы не принесете домой документы, то узнать, замешана ли ваша супруга в передаче секретной информации, будет совершенно невозможно. Это вы понимаете?

– Это я понимаю, – вынужден был согласиться Вересов.

– Вот и хорошо. И берите домой материалы не основополагающие, а такие, чтобы, если их передадут конкурентам, не случилось ущерба для вашей фирмы.

– Понял...

Он наконец действительно понял, что с серьезным делом и разбираться надо серьезно, профессионально. А профессионал в этом деле из нас двоих я. Так что слушаться меня и выполнять мои рекомендации ему придется.

- Вот, кажется, и все пока. Вы будете мне звонить, или лучше мне самой?
- Пожалуй, лучше я, – он снова, прямо-таки на глазах, набирал уверенность.
- Значит, договорились, с завтрашнего утра начинаю работать.

Глава 2

И вот уже два дня, как я хвостиком мотаюсь за Ларисой Витальевной. Не знаю, как мой клиент, но я на сто процентов уверена, что если бы Вересов послушался меня и тихо-мирно поговорил с женой, то сэкономил бы кучу «зеленых» и в два раза больше своих драгоценных нервов, которые, как известно, в отличие от долларов, восстановить нельзя.

Ага, вот и моя подопечная! Куда теперь отправимся? Оказалось, совсем недалеко. Лариса Витальевна остановилась перед входом в кинотеатр, долго разглядывала афишу, потом решительно направилась к кассе.

Я торопливо выбралась из машины. Правильно, темный полупустой зал кинотеатра – идеальное место для тайной встречи и передачи сведений. Действует наша Лариса Витальевна прямо как по учебнику для начинающих шпионов. Если, конечно, такой учебник есть... А мы вроде бы идем к финишу. Кажется, я все-таки дождалась, хотя буквально полчаса назад уж совсем было решила, что и этот день ничего не даст. Интересно посмотреть, с кем моя подопечная сейчас встретится.

Пробегая к входу, я мельком взглянула на афишу: «Травиата», фильм-опера! Да, конечно, Верди – гениальный композитор, а Дзеффирелли – гениальный режиссер, но... Кто по доброй воле пойдет смотреть в кинотеатре фильм-оперу? Или очень большой любитель этого искусства, или тот, кому на какое-то время необходимо укрыться в темном зале.

Предъявив билет пожилой контролерше, которая с гораздо большим интересом посматривала в сторону игровых автоматов, где два пацана резались в бильярд, чем на синенькие бумажки, которые совали ей редкие зрители, я скользнула в зал следом за Ларисой Витальевной.

Назвать зал полупустым было бы с моей стороны серьезным преувеличением. Кроме нас с Вересовой там находились: целующаяся парочка на последнем ряду (почему-то мне показалось, что эти двое остались с предыдущего сеанса – ну не заметили ребята, что кино кончилось), мамаша с девочкой лет десяти, что-то очень тихо объясняющая дочери, четыре девицы и два парня, судя по горе футляров, сваленных на соседних креслах, студенты консерватории, еще одна мамаша с девочкой постарше и две пожилые женщины. Одним словом, свободных мест было достаточно.

Лариса Витальевна уверенно прошла вглубь зала, примерно на шестнадцатом ряду повернула, так же уверенно выбрала кресло в середине ряда, села, откинулась на спинку и расслабилась. Я заняла место неподалеку, в следующем ряду, так что мне было прекрасно видно каждое ее движение, и с интересом ждала, кто усядется рядом с ней. Пока на ближайших четырех рядах никого не было. Кстати, я давно не заходила в кино, а здесь, оказывается, за это время мебель сменили. Кресла были на удивление удобные.

В зал заглянул мальчишка, один из тех, что играл на бильярде, скорчил нам рожу и исчез. Тут же, без всяких звонков и прочих предупреждений, погас свет и на экране засияло голубое небо Франции. Вересова встрепенулась и полезла в сумочку. Я напряглась, но она достала оттуда всего лишь носовой платок и устремила взгляд на экран. Все места вокруг нее по-прежнему были свободны. Но это ничего не значило. Сообщение, по договоренности, можно оставить в условленном месте.

Дальнейшие полтора часа прошли очень однообразно. Я не сводила взгляд с Ларисы Витальевны, боясь пропустить малейшее подозрительное движение, а она столь же пристально наблюдала за страданиями героев. Держалась она вплоть до появления папаши Жермона. Потом начала потихоньку всхлипывать, на балу у Флоры расплакалась окончательно, а финальное появление Альфреда встретила бурными рыданиями. Правда, надо признать, что остальные зрители реагировали примерно так же, даже девчонки-консерваторки потихоньку

хлюпали. И правильно, если ты женщина и сознательно идешь на «Травиату», то прежде всего для того, чтобы оплакать несчастную любовь... Самыми крепкими оказались ребята-студенты, я, поскольку была на службе и на экран косилась только краем глаза, и парочка на последнем ряду, конечно. Эти еще не знали, что такое несчастная любовь, и вообще ни на что не обращали внимания.

Когда несчастная, оплакиваемая отцом и сыном Жермон, Виолетта наконец умерла и в зале вспыхнул свет, Вересова, уткнувшись в платочек, всхлипывая и спотыкаясь, двинулась к выходу. Я прошла по ее ряду и, уронив сумочку, быстро, но тщательно обшарила кресло, на котором сидела она, и два соседних. Поскольку контактов никаких не произошло, она должна была где-то здесь оставить свое сообщение. И мне следовало его забрать. Проверила я все довольно основательно, но, к своему удивлению, так ничего и не нашла.

На улице уже темнело. Лариса Витальевна неторопливо двинулась домой. Она все еще не могла успокоиться и время от времени подносила платочек к глазам. Я добросовестно проводила ее до самого дома и, только услышав в наушниках равнодушный голос Вересова: «Лариса? Ты поздно сегодня» и ее невнятный ответ, выключила магнитофон и поехала к себе.

Вот в это самое время я наконец поняла, какая я дура! Балда! Такая балда, что пробу ставить негде. Я ведь поверила во всю совершенно дикую чепуху, что нес мой чокнувшийся на бдительности клиент. В этой истории глупей меня выглядел только сам Вересов. А основная разница между нами сейчас заключалась в том, что я уже поняла, какая я дура, а он все еще не понимает, какой он дурак.

Это же надо быть таким носорогом толстокожим! Ну не умеешь ты с женщинами обращаться, купи инструкцию! Сейчас, слава богу, на любом книжном лотке целая куча самых разных пособий, гораздо более подробных, чем правила обращения со стиральной машиной. Так нет же! До этого ученый бизнесмен додуматься не может. Он, понимаете ли, двигает прогресс, новое волокно изобретает, сверхпрочное, а жена его в химии совершенно не разбирается. Ему, понимаете, хочется вечером с ней о химических формулах поговорить, а она этой занимательной теме не соответствует... Дуб стоеросовый! Феодал старорежимный!

Романтичная Ларочка, нарыдавшись на «Травиате», приходит домой и вместо того, чтобы доплакать на груди любящего мужа, натывается на этот ходячий кактус: «Лариса? Ты поздно сегодня!» Ох, сбежит она от него! Встретит человека, который ей улыбнется, и сбежит. И правильно, между прочим, сделает...

Размышляя о том, как я повела бы себя на месте Вересовой, я поставила машину на стоянку во дворе и зашла в подъезд. Пока я медленно поднималась по лестнице, на которой из какой-то квартиры вкусно пахло борщом, размышления мои приняли другое направление. Теперь я подумала о том, как устала, и попыталась вспомнить, что у меня в холодильнике есть такого, из чего можно соорудить ужин.

А когда вошла в квартиру и сбросила туфли, поняла: на то, чтобы готовить, нет ни сил, ни желания. Как же изматывает бестолковая работа! Бродишь за подопечной, бродишь, и все время настороже, как бы она тебя не вычислила. От такой «прогулки» устаешь, будто кирпичи носила...

И все же съесть что-нибудь надо. Я вынула из холодильника две сосиски, сунула их в микроволновую печь. Вот вам, барышня, и ужин. Простенько, без особых затрат, но достаточно питательно. Зато я вволю побаловала себя большой, почти поллитровой, кружкой черного кофе. И сразу стало веселей.

Раз такое дело, решила заняться рутинной – ненавистой мне канцелярией. Не знаю, как это было раньше, но в современных условиях детективу без канцелярии никак нельзя. Письменный отчет нужен в двух экземплярах: один клиенту, второй себе в архив. Счет тоже в двух экземплярах: один, опять же, клиенту, второй – для налоговой инспекции. И подробный

отчет о расходах, которые идут за счет клиента: всякие чеки, билеты, все это надо описать и приложить. Кроме того, необходимо в особом журнале зарегистрировать заказ, характер работы, время ее выполнения, данные клиента и результаты. Это – если милиция или прокуратура заинтересуются. Так что контора не простаивает. «Контора пишет», как говаривал незабвенный Остап Бендер.

Работу с Вересовыми, будем считать, я закончила. Теперь следует оформить все нужные документы, и чем раньше – тем лучше. Так что пришлось мне садиться за письменный стол. В отчете я сообщила Вересову, что его подозрения в отношении супруги не подтвердились, к утечке информации она никакого отношения не имеет. И что ни с кем из мужчин она в эти дни также не встречалась. В качестве доказательства приложила все сделанные мною записи. Пусть слушает. Там записей часов на десять. Пока Вересов их все прослушает, поймет, какой он непроходимый идиот, и побежит мириться к своей Ларисе Витальевне. И это будет хорошо.

Глава 3

Вересов позвонил около десяти часов утра. Видно, приехал в свою фирму, разобрался с текущими делами – и сразу к телефону. Еще бы: по сути дела, на кону стояли и его семейная жизнь, и существование фирмы, которой он очень дорожил. Так что стремление побыстрее узнать результаты моей работы вполне понятны.

Я попросила его приехать и, по возможности, в самое ближайшее время. «Де-факто» я свою работу закончила, и теперь мне хотелось побыстрее закончить ее «де-юре».

– Каковы результаты? – не удержавшись, спросил Вересов.

Я понимала его нетерпение, но рассказывать что-либо принципиально не стала.

– Геннадий Валентинович, вы же понимаете, что по телефону я вам ничего сказать не имею права. Разговор сугубо конфиденциальный.

Право-то я имела. Разговор наш ни на военную, ни на государственную тайну не тянул, но уж очень мне хотелось посмотреть на этого погрязшего в химических формулах и конкурентной борьбе сухаря, когда я сообщу, что жена его чиста и невинна, как голубка.

– Хорошо, все бросаю и еду, через пятнадцать минут буду у вас, – немедленно согласился клиент.

А куда ему было деваться? И по тому, как быстро он появился, я поняла, что Вересов действительно все бросил и буквально примчался.

Таким я его еще не видела. Приходилось мне, когда еще работала в прокуратуре, наблюдать за подсудимыми в момент вынесения приговора. В их глазах, лице, во всей фигуре ясно читалась совершенно неестественная смесь самых разных чувств: безысходности, покорности воле рока и... надежды. Несмотря ни на что – надежды! Вот так и выглядел сейчас директор этого самого научного «Химсинтеза» и муж Ларисы Витальевны, Геннадий Валентинович Вересов.

На мое кресло он вообще никакого внимания не обратил: рухнул в него, совершенно не замечая, на что садится. Рухнул и воззрился на меня широко распахнутыми глазами. Я, очевидно, представлялась ему в виде судьбы, могущественной и беспристрастной. Вот и хорошо, люблю, когда меня уважают, тем более что новости у меня для него имелись определенно хорошие. С причиной утечки информации, правда, ничего не ясно. Но ведь задача разобраться в ней передо мной и не ставилась. Зато с женой полный порядок. А хорошие отношения с женой важнее любого волокна, даже если оно чрезвычайно крепкое и не горит. Жаль, что не все это понимают.

Я коротко, не вдаваясь в подробности (подробности в письменном отчете), сообщила не только о результатах работы, но и мое мнение о его отношении к Ларисе Витальевне и в связи с этим о ее состоянии и поведении. Говорила я вообще-то довольно резко, так что мог бы и обидеться, сказать мне, что лезу не в свое дело. Но не обиделся, а, наоборот, стал оживать. И щеки у него порозовели, и глаза приобрели вполне осмысленное выражение, и весь он стал каким-то другим, раскованным и добрым. Мне кажется, об утечке информации он сейчас и не вспомнил, думал только о жене и был счастлив, что подозрения его не оправдались и все кончилось хорошо.

– Я вам очень благодарен, Татьяна Александровна... – чувствовалось, что мысли его сейчас были где-то далеко и ему трудно сказать что-нибудь более содержательное. – Чрезвычайно благодарен. Вы спасли мою семью... Вы не представляете себе, как я вам благодарен...

– Это у нас профессия такая, – все-таки приятно, когда сделаешь что-нибудь доброе. – По мере возможности помогаем людям. Хотите, Геннадий Валентинович, я вам дам хороший совет, причем совершенно бесплатно.

– Конечно, конечно, Татьяна Александровна. Я вас очень внимательно слушаю.

Он теперь был согласен на все, что бы я ни предложила, а тут еще и совершенно бесплатная консультация, что в наше время происходит не особенно часто.

– Вы сейчас, прямо отсюда, позвоните на работу и скажете, что сегодня туда не вернетесь...

Он послушно кивнул, но по взгляду чувствовалось, что не мог понять, почему ему сегодня не следует идти на работу.

– Поезжайте домой, – продолжила я, – возьмите свою Ларису Витальевну и отправляйтесь с ней в Парк культуры и отдыха. Покатайте ее там на лодке, на качелях, каруселях, на всем, на чем только можно катать. Сводите ее в комнату смеха. Не забудьте угостить мороженым и непременно купите цветы. И скажите ей, что вы ее любите. В общем, вспомните, как вы за ней ухаживали, и сделайте все то же самое...

Вот так я выдала ему свою сокровенную мечту. Мне уже давно – очень давно! – хотелось, чтобы кто-нибудь катал меня на лодке, угощал мороженым, дарил цветы и, конечно же, шептал о том, как он меня любит...

Вересов оценил. Понял и оценил.

– Можно позвонить? – спросил он.

– Конечно, – пододвинула я телефон. – Конечно, звоните, чего же время терять.

Он позвонил и довольно весело сообщил кому-то из своих заместителей, что занят и пусть его сегодня не ждут. А на какой-то вопрос так же весело ответил: «Вот вы и разберитесь. Разберитесь и сделайте все как надо!» После этого он бережно положил трубку на место и посмотрел на меня. Так смотрит мальчишка, выполнивший указание старшего и ждущий теперь одобрения.

Я одобрила.

– Все правильно, – сказала я и в качестве поощрения улыбнулась ему. – А теперь мчитесь домой, берите Ларису Витальевну, и в парк. Да, не забудьте попросить у нее прощения...

– Конечно, конечно... – послушно согласился он. – Это само собой разумеется.

Но тут же – ох уж мне эти мужики! – уточнил:

– А за что?

– За невнимательность! За то, что погрязли в своей работе и мало уделяли внимания этой прелестной женщине! За то, что портите ей жизнь! За все!

– Правильно! – он, кажется, даже обрадовался, что теперь знает, за что ему надо просить прощение. – Я так и сделаю. Непременно!

Вересов вскочил с кресла и помчался к выходу. Хлопнула дверь, а я подумала: что ж, пусть бежит, пока не растерял свои вновь обретенные достоинства – хорошее настроение и доброту.

Буквально через минуту зазвенел звонок. Интересно, кого это принесло в столь ранний час? Знакомые знают, что утром я обычно не в духе, и приходят ко мне, как правило, только во второй половине дня. Я открыла – передо мной опять возник озабоченный Вересов.

– Татьяна Александровна, извините за забывчивость. Со всей этой историей я стал непозволительно рассеянным. Я ведь должен оплатить вашу работу, а у меня нет с собой достаточной суммы денег. Знаете, когда вы позвонили, я совершенно об этом не подумал. Надеюсь, вы меня понимаете... Может быть, мы отложим расчет до завтра?

– Конечно, конечно, – успокоила я клиента, взяла со стола подготовленный пакет и протянула ему. Вересов так быстро ушел, что я не успела его отдать. Или тоже стала непозволительно рассеянной? – Вот вам полный письменный отчет о проделанной работе, аудиокассеты с записями всех разговоров вашей супруги и счет... Ознакомьтесь со всеми материалами на досуге... А оплатить, естественно, можете завтра.

Он послушно взял пакет, попытался сунуть его в карман, но не преуспел в этом и прижал к груди.

– Еще раз спасибо, Татьяна Александровна. Я вам очень благодарен. Вы оказали мне неоценимую помощь. Завтра я с вами полностью рассчитаюсь. Так я побежал...

Вот теперь работу с Вересовым можно считать законченной. Заплатит он завтра по счету, и я с чистой совестью смогу забыть и о нем, и о его Ларочке, и о его химической фирме...

Пока я так размышляла, опять прозвучал звонок. Он у меня очень мелодичный, звонит приятно. Вот только не люблю я подолгу стоять у дверей, каждую минуту открывая и закрывая их. Но открыть, конечно, придется. Не иначе кто-то узнал, что я освободилась, и ко мне с нетерпением ломится очередной клиент. А роскоши не впускать клиентов я себе позволить не могу.

Я отворила дверь. Эту личность никак нельзя было назвать очередным клиентом. Клиент был все тот же – на пороге стоял основательно надоевший мне Вересов. И по моему взгляду, по выражению моего лица ему, очевидно, нетрудно было догадаться, о чем я подумала.

– Татьяна Александровна, извините, но я опять вернулся, – поспешно сообщил он, едва переступив порог.

Особой радости от этого его возвращения я не испытывала, но и гнать его в три шеи не могла. Все-таки клиент, к тому же еще не расплатившийся. Я просто преградила Вересову дорогу и ждала, чем он станет оправдывать свою назойливость.

– Только выйдя от вас, я сообразил, что вот это все, – он потряс аккуратным пакетом, который я ему только что вручила, – мне совершенно не нужно. Я не стану читать вашего отчета. И кассеты ваши слушать тоже не буду. Так что заберите их и уничтожьте. Они никому не нужны. А счет я завтра же оплачу. Так что до завтра.

Он сунул мне в руки пакет и снова исчез за дверью. И после этих слов я зауважала его, потому что он поступил как настоящий мужчина.

Некоторое время я еще постояла возле дверей: вдруг Геннадий Валентинович опять о чем-то забыл и снова позвонит. Но на этот раз мой назойливый клиент не вернулся. Судя по всему, Вересов мчался сейчас домой, к своей Ларочке. Что ж, приятно иногда быть доброй феей.

Ладно, какие тут у меня еще есть срочные дела? Я открыла сейф, положила туда пакет, так красиво отвергнутый Вересовым. Пусть пока полежит, потом решу, что с ним делать. С отвращением покосилась на полку, где хранятся мои бухгалтерские отчеты. Счета, проводки, главная книга – все, как в бухгалтерии какого-нибудь ЖЭКа. Я однажды заходила в такую бухгалтерию. Надо было разобраться с какой-то растратой, не то в две, не то в три тысячи рублей. Интересное было время, тогда исчезновение трех тысяч рублей считалось серьезным преступлением. Так вот, в той бухгалтерии сидели две солидные тети и одна унылая девица, все трое что-то считали на калькуляторах и записывали свои подсчеты в амбарные книги.

У меня тоже много чего надо считать и записывать в книги. Но раздувать штаты я принципиально не собираюсь. Веду всю документацию сама, лично подсчитываю свои «прибыли» и «убыли». Ничего, кстати, особенно сложного. Окончила двухмесячные курсы, купила хорошую бухгалтерскую программу для своего «Пентиума» и освоила ее. Тут главное – не накапливать отчетность и делать все в установленные сроки. И, конечно же, не забыть, где именно смухлевала. А мухлевать приходится. Ох, приходится... Потому как если не делать этого, мои налоги окажутся значительно выше моих доходов. Я, конечно, стою на страже законов. Но не таких же дурацких...

Кстати, о сроках... Месяц кончился три дня назад, так что надо включать компьютер и жать на клавиши.

Пару часов я занималась своей бухгалтерией с энтузиазмом, потом еще час без всякого энтузиазма. Предлог, чтобы прерваться, долго искать не пришлось: я захотела есть. Точнее – почувствовала, что скоро захочу. А поскольку я сейчас была абсолютно свободна от сыщических дел, имелось достаточно времени, сил и желания побаловать себя и приготовить что-нибудь действительно вкусненькое. Глупо жевать вчерашние пирожки или размороженные в микроволновке сосиски, если можешь испечь себе, например, пиццу.

Я отправилась на кухню, быстренько замесила пресное тесто, выгребла из холодильника всякую всячину, которая могла пригодиться для начинки. Окинула взором свои сокровища и порадовалась. Ох, и молодец же я! Ох, и хозяйственный же я человек! Оказалось, имеется все, что нужно: помидоры, яйца, кусок колбасы, лук, пучок петрушки и, самое главное, сыр! Нормально! Пицца будет – обедение... Наверняка на запах кто-нибудь в гости завалится. Не то чтобы я действительно так считала, но на всякий случай сделала пиццу на самой большой сковородке. В конце концов, если никто не придет, можно будет и на завтра оставить.

Как это там в песенке поется: «Предчувствия его не обманули!» Примерно через час я потянула на себя дверцу духовки и убедилась, что пицца дошла до идеального состояния. Только я вытащила и поставила сковороду на стол, как и положено в таких случаях, раздался звонок.

«Мельников», – определила я. С такой точностью на кормежку являлся только он. А мою пиццу Мельников чует с другого конца города. Бросает все дела и мчится на попутном транспорте, чтобы порадовать меня хорошим аппетитом. Вот и хорошо, что Мельников. «Что бы я делала, если бы опять вернулся Вересов?» – пошутила я про себя... Не торопясь (никуда он теперь не денется), я ловко вытряхнула пиццу на большое блюдо, прикрыла чистым полотенчиком и пошла открывать.

Кто, вы думаете, стоял за дверью? Голодный Андрей? Или хотя бы его дружок Витя Самойлов, который мне однажды жизнь спас, и я тогда решила, что буду кормить его до своего смертного часа? Ничего подобного. За дверью стоял Вересов. Этот Вересов, кажется, скоро станет мне сниться. Ну нельзя же так... Прямо как в поговорке: «Только помянешь черта, так он на пороге». Я, конечно, не верю в мистику, приметы и предсказания, но элементарной осторожности, как правило, придерживаюсь. А здесь, видно, дала слабину, не вовремя подумала о своем незадачливом клиенте.

А рядом с улыбающимся Геннадием Валентиновичем на лестничной площадке стояла и улыбалась его супруга Лариса Витальевна.

– Татьяна Александровна, можно к вам? Вы не заняты? – спросил Геннадий Валентинович. Это был голос совершенно счастливого человека. Одной рукой он прижимал к себе бутылку шампанского и большую коробку конфет, а второй придерживал за плечи Ларочку.

– Д-да, конечно...

Я была несколько ошеломлена, но постаралась скрыть это. Они что, пришли свое примирение ко мне праздновать? А, собственно, почему бы и нет? Я ведь у них теперь вроде крестной матери или еще чего-то такого, уж и не знаю, как это называется. Так что я постаралась улыбнуться им как можно шире и радостней.

– Вы как раз вовремя, у меня пицца готова!

Они прошли в комнату. Вересов немного смущенно вручил мне шампанское и конфеты, я быстро накрыла на стол. Пока я расставляла фужеры и тарелки, гости ворковали на диване. Парочка выглядела довольно забавно. Геннадий Валентинович – все в том же сером костюме, но с блестящими глазами, порозовевшими щеками и очень довольный. И рядом с ним Ларочка – золотистые волосы в художественном беспорядке, открытый ярко-желтый

сарафанчик подчеркивает достоинства изящной фигурки, под цвет медовых глаз янтарный кулончик на шее, стройные ножки обуты в золотые босоножки. Легкая, как бабочка, и тоже счастливая. Вересов совершенно прав, недостатка в деньгах она явно не испытывает и пользуется ими довольно практично. Не то чтобы мне стало завидно, глядя на них, но что-то близкое к этому чувству я испытала.

За столом выяснилось, что примиряющие прогулки в парке и катание на каруселях вызывают голод, так что моя пицца пришлась очень кстати. Мне было ее совершенно не жалко, уж очень они нахваливали мое изделие. И правильно делали. Я и сама знаю, что пиццу готовлю великолепную. Геннадий Валентинович очень ловко открыл шампанское (Ларочка в это время восхищенно следила за ним), поднял тост за мое здоровье. Правда, глядел он при этом на жену. Ничего, мы люди не гордые. Вообще, хорошо посидели. Вересовы наперебой рассказывали подробности своего примирения, я, проявляя приличествующий случаю интерес, слушала и кивала. Когда кончились шампанское и пицца, я сварила кофе и в дело пошли конфеты. Очень хорошие, кстати, самарские, «Золотая коллекция». Не иначе, Ларочка выбирала. Уж она-то должна знать толк в конфетах. Мне бы, исходя из необходимости беречь фигуру – а с этим у меня обычно строго, – следовало конфетами пренебречь. Но какого черта отказывать себе в такой вкусноте, тем более что дело сделано.

За кофейком Вересов перешел к делу.

– Вы знаете, Татьяна Александровна, мы тут с Ларочкой поговорили. – Они обменялись взглядами, и, глядя на них, я вдруг подумала, что сейчас он предложит мне стать крестной матерью будущего ребенка. И отказаться ведь нельзя будет... Но нет, обошлось. – Я все Ларочке рассказал, и она подала прекрасную идею... – Геннадий Валентинович по-петушиному вскинул голову, во взгляде его явно читалось: «Я же вам говорил, что моя жена – умнейшая женщина на свете!» – Ведь проблема взаимоотношений с «Менделеевым» осталась по-прежнему чрезвычайно щепетильной. Кто-то передает информацию о нашей работе конкурентам! Татьяна Александровна, разберитесь, пожалуйста, в этом деле.

Вот так-то... Едва я закончила одно расследование, как наметилось другое. Причем не такое идиотское, как прошлое, а вполне серьезное.

– Это в каком смысле разобраться? – прикинулась я, что не поняла предложения.

– Нам, видите ли, Татьяна Александровна, совершенно необходимо срочно, в самое ближайшее время, выяснить, кто ворует разработанную фирмой технологию. Тогда мы могли бы принять определенные меры...

– То есть теперь вы хотите нанять меня для расследования фактов промышленного шпионажа, направленного против вашей фирмы?

Честное слово, не вру, Вересов сначала посмотрел на Ларочку, она утвердительно кивнула, и только после этого он твердо ответил:

– Да.

Браво, Лариса Витальевна!

– Но я ведь совершенно не разбираюсь в химии, – мне представлялась возможность покобениться, и я, естественно, воспользовалась ею. Ведь после того, что я для него сделала, к другому сыщику он не пойдет. А и захочет пойти, так Ларочка не разрешит. – Таблицу Менделеева представляю себе весьма смутно.

– Да что вы, Татьяна Александровна, при чем здесь химия! Оставим химию специалистам. Пусть каждый занимается своим делом.

Как же он поумнел за несколько часов!

– Вам надо найти вора. Вы умная женщина. Вначале я вас недооценивал, и напрасно. Вы разберетесь во всем и спасете нашу фирму, я совершенно уверен. И за успешное решение проблемы мы выплатим вам повышенный гонорар.

Мне уже самой стало интересно разобраться с этим промышленным шпионажем.

– Хорошо, – согласилась я. – Считайте, что уговорили. Я займусь вашим делом.

– Прекрасно, – обрадовался Вересов. – Все необходимые условия для работы я вам создам. Предоставлю в ваше распоряжение нужные документы, познакомлю с нашим коллективом... Может быть, завтра вы и сможете начать? Вы не очень заняты?

Не могла же я сказать, что завтра совершенно свободна, что делать мне сейчас нечего и я с удовольствием возьмусь за предложенную работу. Поэтому, открыв записную книжку, с умным видом стала листать ее, бормоча с озадаченным видом:

– Завтра, завтра... Нет, завтра никак не могу... И послезавтра тоже ничего не получится.

Приуныл мой Вересов, приуныл. Вот и хорошо, пусть прочувствует, с каким занятым человеком он имеет дело. «Ну ладно, пора соглашаться», – решила я. Немного задумалась и произнесла:

– Подождите... Между десятью и часом... Знаете, между десятью и часом у меня назначена встреча, которую, пожалуй, можно отложить. Между десятью и часом вас устраивает? – ошачливила я клиента.

– Да что вы, Татьяна Александровна, конечно. В любое удобное для вас время.

Мы достаточно быстро обсудили детали, договорились, что завтра к десяти часам я приеду в офис «Химсинтеза», ознакомлюсь, так сказать, с местом действия, изучу обстановку, побеседую с людьми. А там решим, что делать дальше. После этого, поскольку кофе был выпит, а деловые вопросы решены, гости стали собираться. Я проводила их, убрала со стола, помыла посуду. С сомнением посмотрела на компьютер – надо бы поработать еще часок. Но очень уж не хотелось...

Машинально я потянулась за кисетом со своими верными друзьями – магическими костями, покатила в ладонях теплые двенадцатигранники. Ну-ка, что день грядущий, точнее – вечер, мне готовит? Кости покатались по полированной поверхности стола.

«10+20+25». Между прочим, это означает: «Вы поставите себя в неловкое положение с друзьями». Странно. Что же я такое неприличное могу натворить?

Я убрала кости обратно в кисет, подошла к окну. Погода чудная, просто грех сидеть дома. Меня, конечно, никто сейчас не поведет в парк, не будет катать на карусели и не станет угощать мороженым. Но я и сама могу пойти погулять. Вот и доставлю себе удовольствие.

* * *

Я внимательно осмотрела себя в зеркале – можно, конечно, идти и в джинсах, но мне внезапно захотелось чего-то более романтического, поэтому решила переодеться. Натянула коротенькое лазоревое платьице, все в рюшечках и воланчиках, растрепала волосы, влезла в босоножки на супервысоких каблуках и отправилась на прогулку.

Поболтавшись немного по улицам, я заметила, что почти точно повторила маршрут вчерашней вечерней прогулки Ларисы Витальевны. Шуточки подсознания! В общем, оказалась я перед входом в кинотеатр. «Травиата». А, собственно, почему бы и нет? Вчера я на экран почти не смотрела, а фильм действительно великолепный. Почему бы и мне, в конце концов, не всплакнуть о несчастной любви... Сеанс начался минут пять назад, но билет продали без разговоров, и я под звуки знаменитой «Застольной» торопливо шмыгнула в темный зал.

Возвращаясь после фильма домой, я жалела только об одном – что не позаботилась взять на вечернюю прогулку носовой платочек. Из-за этого не смогла поплакать как следует, от души. Пришлось сдерживаться. Сходить, что ли, завтра еще раз, захватив с собой полотенце? А что, зритель там, похоже, постоянный. По крайней мере, когда зажегся свет и народ,

сморкаясь, потянулся к выходу, я заметила несколько знакомых лиц. Две пожилые женщины и мама с дочкой, та, у которой девочка помладше, точно были теми же, что и вчера.

Глава 4

Среди моих знакомых, это я точно знаю, ходят легенды о моей интуиции, о предчувствиях, которые всегда сбываются, и всякой прочей подобной ерунде. Но клянусь, нисколько, вот ни капельки тревоги я не испытывала, приближаясь к собственной лестничной площадке. Размышляла только о том, возиться ли с макаронами или сунуть пару котлет в микроволновку. Но тут же меня осенило: какие макароны, какие котлеты! – дневную порцию калорий я сегодня получила от пиццы, шампанского и конфет. Интересно получается: чем больше заботаешься о фигуре, тем больше думаешь о еде... Хотя как же не думать, если постоянно влачишь полуголодное существование. Так что у меня было только одно предчувствие: ужинать сегодня придется стаканом кефира.

Даже когда я уже увидела этого мужика у своих дверей, я еще не встревожилась. Может быть, потому, что была слишком занята: подсчитывала принятые за день калории, коих насчитала около трех тысяч. Явно больше, чем мне полагалось. Такие вот дела. Можно сказать, как птичка питаюсь, как колибри, и все равно плохо. Занудное это дело – подсчитывать калории, всегда их оказывается перебор. Что, естественно, всегда раздражает. Понятно, настроение было не из лучших.

А тут еще какой-то бомж – другого места не нашел – разлегся у моего порога, как на собственном диване! Вообще-то наш подъезд и бомжи, и шпана стороной обходят. У нас такие боевые бабки-пенсионерки живут, что всех латрыг давно расшугали. Я даже удивилась, как этому удалось мимо них прошмыгнуть. Наверное, поздно пришел, когда все уже по квартирам попрятались.

Меня совершенно не интересовало, кто такой разлегся на моей лестничной площадке, но разглядеть незваного гостя все же следовало. При ближайшем рассмотрении он оказался не слишком похож на бомжа. Голова его была повернута так, что лицо оказалось в тени, но все равно видно, что мужчина чисто выбрит. Перегаром тоже вроде не несло. Одет в приличный костюм, не обноски какие-нибудь, на ногах дорогие мокасины. Только ноги эти выглядят странно: одна напряженно вытянута, другая неловко подвернута – в такой позе не уснешь. Может, шел человек по своим делам и у самой моей двери ему плохо стало?

Ну-ка, посмотрим, в чем здесь дело... Я присела на корточки, коснулась руки. Теплая. Уже смелее потянула на себя запястье и попробовала нащупать пульс. Странно, обычно мне это сразу удается, а тут никак. Ладно, поищем на шее, там пульс слышен лучше всего... Под моей рукой голова мужчины тяжело качнулась на бетонном полу, повернулась, и... на меня уставились открытые незрячие глаза.

Я человек не слаонервный, но тут попятилась к лестнице и села на ступеньку. Господи, что это со мной? Я что, трупов никогда в жизни не видела? Вон же кровь под ним, целая лужа натекла! Не вставая со ступеньки, дотянулась, осторожно приподняла левую полу пиджака. Вот она, небольшая аккуратная дырочка против сердца. И большое кровавое пятно вокруг него.

Снова внимательно всмотрелась в лицо. Мужчине явно за сорок, ближе к пятидесяти. Не слишком красив, но лицо приятное, похож на «благородного отца» из бразильского сериала. Густые темные волосы с проседью зачесаны назад, широкие брови, крупный нос, четко очерченные губы... Нет, никогда в жизни я не видела этого человека.

Я отвела взгляд, тяжело вздохнула и вынула из сумки телефон. Вот Андрей обрадуется, а то давно мы с ним не встречались. Что ж, выходит, гадание сбывается! С трупом на пороге я в очень даже неловком положении в данный момент оказалась. И перед Мельниковым, и перед остальными ребятами. Куда ему сейчас звонить, уже домой или еще на работу? Посмотрела на часы – довольно поздно, но все равно стоит сначала позвонить на службу.

Предчувствие меня не обмануло (теперь-то оно сработало, мое хваленое предчувствие!) – мой друг, лучший опер Тарасова, был на месте.

– А, Танька, опять труп нашла... – весело приветствовал он меня. – Куда выезжать?

– Ко мне, – грустно ответила я. – Лежит у меня на пороге, домой попасть не могу.

Андрей снова весело хохотнул:

– Молодец, Иванова, люблю с тобой общаться! У тебя всегда что-нибудь оригинальное.

А чего ты звонишь? По делу или просто так, соскучилась?

– Сейчас разлюбилась, – буркнула я. – Давай бери свою команду и быстро ко мне.

– Разбежался... Ночь ведь на дворе, ты что, не заметила? Или у тебя что-нибудь вкусненькое наматилось?

Я молчала. Не до шуточек мне было сейчас.

– Что-нибудь случилось? – спросил он уже с тревогой.

– Мельников, сосредоточься, – устало попросила я. – Случилось. Перед дверью моей квартиры лежит труп.

– Какой труп?

– Свежий! – не выдержала и заорала я. – Неизвестного мне мужика какая-то сволочь пристрелила прямо на моей лестничной площадке! Тебе по телефону его подробно описать, или вы все-таки приедете?

– Уже на выходе! – Мельников наконец понял, что никакими шутками здесь и не пахнет. – Ты сама там как, в безопасности?

– Этот по крайней мере мне ничего плохого не сделает. А на счет всего остального не имею понятия. Давай быстрее, Андрей. Одной мне здесь тоскливо.

– Через пять минут будем.

Ну, про пять минут он может не рассказывать, знаю я, сколько времени дорога от управления до моего дома занимает. Но спешили ребята, видно, основательно. Минут через пятнадцать я услышала внизу громкий топот и со скрипом поднялась с пола – додумалась, дура, на холодных бетонных ступеньках сидеть!

Первым взлетел по лестнице, естественно, взволнованный Андрей. Окинув меня внимательным взглядом, сразу успокоился.

– Ну, ты, Танька, ничего, вполне нормально выглядишь... – покровительственно похлопал он меня по плечу. – И правильно. У нас, знаешь, один опер нашел покойника прямо у себя в постели. Вот это другое дело. Я тебе потом расскажу. А на лестничной площадке – такое с каждым может случиться. Так что ты не особенно...

Мельников был рядом, а я почему-то все еще не могла расслабиться. Выбил меня этот труп на лестничной площадке из обычной колеи, и никак не выходило снова встать на нее.

– А я и не особенно... – солгала я.

– Вот и хорошо... Ну-ка посмотрим, чего он здесь разлегся.

Мельников наклонился над трупом, провел рукой по его лицу, по шее...

– Еще не остыл, – сообщил он мне.

– А я его вообще теплым нашла.

Мельников стал тщательно осматривать убитого, проверять карманы...

На площадку поднялись еще двое, сразу стало тесновато. С Витей Самойловым мы пожали друг другу руки, а Венечка Ярославцев только кивнул и пристроился рядом. Это же он меня охраняет... Интересно, Мельников приказал или по собственной инициативе? Какие все-таки в отделе у Андрея хорошие ребята и как я их всех люблю!

– Ну что, Иванова, – подмигнул Самойлов, – колись, за что мужика хлопнула? Ревность или не поделили чего-нибудь на экономической почве?

– Вас давно не видела, – огрызнулась я. – Просто в гости вас ведь не заманишь, обязательно покойника подавай. Вот и пришлось подсуетиться.

– Экономические преступления сейчас в большой моде, – продолжал Витя. – А ты у нас девушка с претензиями на моду. Так что, я думаю, здесь «капустой» пахнет...

– Трепло ты, Самойлов, – не удержалась я.

– Нет, я не трепло. Я просто констатирую особенности криминогенной обстановки. А вот с тобой, Иванова, вечно проблемы, – не отставал Витя. – С твоими способностями могла ведь все в рабочее время проверить. Так нет же, ожидаешь, пока закончится рабочий день, и начинаешь действовать только тогда, когда все нормальные люди уже отдыхают. За что ты нас так, Иванова? Мы к тебе всей душой, а ты нам график работы рушишь. И ведь знаешь – в нашей организации сверхурочные не платят...

От его трепа мне не то чтобы легче стало... Когда видишь убитого человека, легко не бывает. Да еще убитого на пороге своей квартиры... Просто я, кажется, почти пришла в себя и снова обрела способность соображать.

Венечка же не любил подобные шуточки. Венечка у нас человек серьезный, строгий и до занудности положительный. Так что он очень неодобрительно смотрел на Самойлова. Да и на меня тоже... Хотя и готов был защищать меня от всех врагов и всех напастей.

Привлеченные шумом, стали появляться соседи. Мельников самым вежливым образом попросил их не мешать следствию и вернуться в квартиры. Пообещал, что с ними непременно поговорят в самое ближайшее время. Потом прибыла машина с фотографом и разными-всякими экспертами. На лестничной площадке стало совсем тесно.

– Ну что ж, – Мельников выпрямился и тщательно отряхнул брюки. – Раз все в сборе, начинаем работать. Татьяна, от тебя сейчас никакого толка. Иди к себе в квартиру и отдыхай. С тобой позже поговорим. Витя, ты бы посидел с девушкой, поразвлекал, чтобы она не скучала. Заодно и чайку попьешь. Она добрая, она тебя чаем непременно угостит. И давайте побыстрей, – поторопил он нас, – освобождайте площадку, а то здесь повернуться невозможно.

Мы с Самойловым и ушли. Я сбросила туфли, забралась с ногами на диван и стала переживать. А Витя, ни слова не говоря, отправился на кухню. И вскоре появился оттуда с двумя большими чашками горячего черного кофе. Он поставил их на маленький столик возле дивана, на котором я переживала, вернулся на кухню и снова появился – принес «Золотую коллекцию», которую я неосторожно оставила там. Витя обожает сладости и теперь все конфеты – почти полкоробки! – слопаёт без зазрения совести. И черт с ними, пусть лопаёт! Больше всего мне сейчас не хотелось остаться одной. Уж лучше сидеть с Самойловым без конфет, чем с конфетами, но одной, без Самойлова.

Витя присел возле меня, сразу же оприходовал самую крупную конфету и стал попить кофе. Потом осторожно, чтобы я, упаси бог, ничего не подумала, стал задавать мне разные вопросы.

Но я ведь тоже не дура. Понимаю же, что раз я нашла труп, да еще не где-нибудь, а на пороге своей квартиры, то меня должны допросить по всем правилам. Правила-то, протоколы разные оставили на потом, потому что в моей невиновности никто не сомневался, но выяснить все, что я знаю, надо было как можно быстрей...

– Долго ты нас ожидала? – осторожно начал Витя. Как будто сам не знает, что приехали они минут через пятнадцать после моего звонка.

– Да нет, позвонила, вы сразу и приехали. Быстрей, чем я думала.

– Да, приехали мы сюда быстро, – согласился Самойлов. – Мельников водителя отстранил и сам машину вел. От него весь встречный транспорт шарахался. И люди тоже. Хорошо, никого не сшиб и ни в один столб не врезались. А этот, значит, здесь уже лежал, когда ты пришла?

Я утвердительно кивнула: дескать, лежал уже.

– Кто такой, не знаешь?

– Нет, не знаю.

– Может быть, встречала где-нибудь, видела?

– Нигде не встречала и никогда не видела. Это точно. Лицо характерное. Я бы запомнила.

– Расскажи-ка ты мне тогда, матушка, все, что знаешь, – перестал он наконец тянуть резину и приступил к серьезному разговору.

А я к этому времени тоже хлебнула как следует крепкого кофейка, так что вполне связно рассказала, как вернулась домой, как увидела лежащего и приняла его за бомжа, и все остальное.

Самойлов задумался.

– А дело ты сейчас какое ведешь? Этот убитый не может быть с ним связан?

– То-то и оно, что никакого дела я сейчас не веду. Я и гулять пошла оттого, что совершенно свободна. И потом, если я кому-то наступила на любимую мозоль, то и стреляли бы в меня, а не в неизвестно кого...

Витя машинально, по-моему, даже не замечая этого, закинул в рот еще пару конфет.

– Но ведь на твоей лестничной площадке его убили, перед твоей дверью, – напомнил он. – С чего бы это его к тебе пришли убивать?

– Ты забыл сказать, что и в моем подъезде. А у нас в подъезде, между прочим, более двадцати квартир. И нужного ему человека убийца мог встретить на любой лестничной площадке. На той, где ему стрелять удобно. Может быть, моя лестничная площадка ему больше всего понравилась. Уютно у нас здесь, чистенько, освещение хорошее, и подниматься высоко не надо – третий этаж.

– Правильно рассуждаешь, – не мог не согласиться Самойлов. – И все-таки... Когда человека убивают, я в случайности не особенно верю.

– И ты правильно рассуждаешь...

Конфеты в коробке убывали с катастрофической быстротой.

– Значит, у тебя никакого представления о том, кто это такой и почему в него стреляли?

Ну точно: он думал, будто я что-то знаю, но не хочу рассказывать.

– Витя, даю тебе честное слово, что не имею никакого представления о том, в чем здесь дело.

– А что ты вообще об этом думаешь?

– Ничего не думаю, – откровенно призналась я. – Думаю, что надо показать его всем жильцам подъезда. Может быть, он к кому-то шел. Может быть, кто-то его знает. Может быть, он даже живет в нашем подъезде. Видишь – сплошные «может быть». Я ведь здесь почти никого не знаю, соседку только да еще пару бабулек. Каждый живет сам по себе... Ни друзей, ни врагов. Современный жилищный комплекс. Дом, в котором многие годы живут незнакомые друг с другом люди.

– Вполне может быть, что и живет он здесь, – Самойлов задумался. – Я вот сейчас прикинул, и получается, что заказные убийства чаще всего происходят по месту жительства. Когда человек идет на работу или когда возвращается домой. Так киллерам, очевидно, удобней. Точно знают, когда и где надо ждать.

Витя с сожалением посмотрел на оставшиеся в коробке три конфеты, вздохнул, накрыл коробку крышкой и отодвинул в сторону. Великая сила воли у Самойлова! Как раз таким людям в милиции и работать...

– Бабкам его непременно надо показать, – посоветовала я. – Есть у нас такие, человек пять. Они весь день на скамеечке у входа в подъезд сидят. Эти бабульки все видят, все слышат и все знают. Если они хоть раз видели его в нашем подъезде, то вспомнят и все, что знают, расскажут. Только, по-моему, не всему верить надо. Они о чем не знают, тоже рассказать могут.

– Ну, это на поверхности лежит, – не оценил Самойлов моего совета. – Ребята сейчас всех опрашивают. И с твоими старушками тоже поговорят, будь уверена. А чего-нибудь дельного надумать не можешь? У тебя же нестандартный образ мысли. Подумай, Татьяна...

А я ничего дельного надумать не могла. Я вообще, можно сказать, думать сейчас не могла. В таком дурацком состоянии мне никогда еще бывать не приходилось. Я совершенно не могла себе представить, кто такой этот мужчина и за что его убили. Во всяком случае, казалось мне, убивать его на пороге моей квартиры не имело никакого смысла.

Так мы и разговаривали с Витей. Он задавал вопросы, на которые у меня не было ответов. Я с тоской выслушивала его и отвечала примерно одно и то же: «нет», «не знаю», «не имею никакого представления». А потом пришел Мельников. Он посмотрел на Самойлова, и тот пожал плечами.

– Так, – определил Мельников, – ничего толкового ты, Танька, не сказала.

– Ничего толкового, – согласилась я.

– И мы ничего толкового не выяснили, – признался Мельников. – В карманах у него зажигалка, пачка сигарет, носовой платок и немного денег. Ни паспорта, ни записной книжки, ни справок каких-нибудь. Вообще ни одной бумажки. Все бумажное кто-то, кажется, забрал. Спрашивается – зачем? Жильцы подъезда его не опознали. Он и не живет здесь, и знакомых у него в этом доме вроде бы нет.

– Бабок приглашали? – спросила я. – Есть у нас тут такие старушки...

– Приглашать не пришлось. Они сами все явились: четыре энергичные старушечки, борцы за социальные преобразования. Строем пришли. Слышали бы вы, с каким удовольствием они рассказывали обо всех, кто живет в этом подъезде. И о тебе, Танька, между прочим, тоже кое-что рассказали. Так что узнали мы много интересного. Оказалось, что живут здесь в основном личности довольно подозрительные: ездят на машинах, держат громадных собак и кормят их мясом. А жены их ходят в золоте и в мехах.

– О покойничке нашем что-нибудь рассказали? – поинтересовался Самойлов.

– О покойничке ни слова. Утверждают, что никогда его не видели.

Вошел Венечка.

– Нигде не нашли, – доложил он.

– Это ты про оружие? – спросила я.

Венечка утвердительно кивнул.

– Киллер какой-то темный пошел, газет не читает, – Мельников был явно недоволен поведением убийцы. – В газетах ведь ясно пишут, оружие надо бросать на месте преступления или в мусоропровод. А этот не бросил.

– Так у нас мусоропровода нет, – напомнила я.

– Мог бы на улице в мусорный бак бросить. Мусорные баки все проверили? – спросил он у Ярославцева.

– Вывернули, все обшарили – ничего нет.

– Вот видишь. То ли нам неграмотный какой-то киллер попался, то ли жадный – ствол пожалел. – Андрей посмотрел на коробку с конфетами и подвинул ее в сторону. Хорошо хоть, что он конфетами не увлекается... – Ты бы, Танька, что-нибудь перекусить сообразила. Эксперты уже уехали? – это он опять спросил у Ярославцева.

– Уехали, – подтвердил тот. – И тело увезли.

– Так что перекусить теперь самое время.

– Яичницу могу сделать, сосиски еще есть...

– Не стесняйся и не теряй драгоценного времени. Давай все, что найдешь. Оценим положительно.

Я отправилась на кухню готовить ужин вечно голодному Мельникову и его не менее голодным подчиненным. О чем они там дальше говорили, понятия не имею. А когда все было

готово, позвала их на кухню. Кухонька у меня маленькая, но сама я есть сейчас не хотела, а они втроем как раз поместились возле небольшого стола. Я выдала им большущую яичницу, сосиски, малосольные огурчики и буханку хлеба. Предложила еще макароны сварить, но от макарон они почему-то отказались. И напрасно, я готовлю очень вкусные макароны.

– Танечка, а ничего у тебя такого-эдакого не найдется? – спросил Мельников.

– Все Танька да Танька. А как дошло до чего-нибудь «такого» – сразу Танечка... – проворчала я.

– Так мы же не по злобе, мы любя, из великого уважения к твоей особе. Ты у нас самая умная, самая красивая и, что немаловажно, самая добрая...

– Элементарный подхалимаж, – определила я. – Не поддаюсь я, Мельников, на него.

– Какой же это подхалимаж! – возразил Мельников. – Ты и сама знаешь, что добрая, умная и красивая. Что касается бутылки, так это же не для выпивки, а в качестве небольшого допинга. Для выпивки мы разве такой малостью ограничиваемся? А сейчас только для допинга, который обостряет мыслительный процесс. Сейчас просто необходимо его обострить, потому что ни одной приличной мысли ни у одного из нас нет. И огурчики у тебя классные. Это же не еда, а закуска и прямой вызов. Нельзя допустить, чтобы они просто так пропали.

То, что ни одной приличной мысли у них не было, это точно. Ох уж эти мужики... У них действительно, кажется, мозги начинают интенсивнее работать, если немного выпьют. Только немного, конечно. А много я им при всем желании дать не могла. Выдала бутылку водки и поставила на стол четыре рюмки. У меня мыслительный процесс тоже весьма основательно буксовал.

– Вот это другое дело, – повеселел Андрей. Самойлов тоже был доволен. А Ярославцев сохранил каменное выражение лица. Ясно было, что он не одобряет, но и отказаться не может, поскольку младший по званию.

– За здоровье хозяйки! За твое, Танечка, драгоценное здоровье! – предложил Андрей, и все дружно поддержали его. Я тоже.

– Так ты считаешь, что убийца гильзу с собой унес? – спросил Самойлов у Венечки.

– Конечно. – Венечка после стопки подобрел и с удовольствием хрустел огурчиком. – Выстрела никто не слышал, значит, стрелял из пистолета с глушителем.

– А если он из «нагана» стрелял? – предположил Самойлов. – Тогда никакой гильзы и быть не должно.

– «Наган» отпадает по двум причинам, – возразил Ярославцев. – Во-первых, ни разу не было случая, чтобы киллеры-профессионалы стреляли из «нагана». Не знаю почему, но «наганом» они не пользуются.

– А если все-таки? – не унимался Самойлов.

– А если все-таки – тоже отпадает. Я же говорил, что стреляли с глушителем, а на «наганы» глушители не ставят, конструкция не та...

– Может, ты и прав, а может – нет, – попытался рассудить ребят Андрей. Он не особенно много разговаривал. Он увлекся яичницей.

– Это каким же образом я могу быть не прав? – не сдавался упрямый Ярославцев.

– А таким образом, что забываешь о народных умельцах, которые глушитель могут поставить не только на «наган», но даже и на обыкновенную авторучку.

Против народных умельцев Ярославцев возразить не мог, и ему пришлось согласиться, что о системе оружия говорить пока рано, вот вынут пулю, и тогда все станет ясно. Или хоть что-нибудь станет ясно.

По ходу разговора, без всяких тостов, мужики выпили по второй и по третьей. А пользы от этого не произошло никакой, мозги у них как не работали, так и не стали работать. Зря только водку израсходовали.

– Послушайте, – пришла мне в голову интересная мысль, – ребята, если он здесь не живет и знакомых у него здесь нет, значит, он шел к кому-то незнакомому?

– Так, – подтвердил Мельников. – Вполне мог идти к кому-то незнакомому. И что это нам дает?

– А ничего пока не дает. Думать надо...

Потом они ушли. Вся команда, во главе с Мельниковым. Наверное, думать отправились, а может быть, и спать. По имеющимся у меня сведениям, Мельников тоже иногда спит. Я же ни спать, ни тем более думать после всего, что случилось, не могла. Побродила из угла в угол, потом решила погадать на своих заветных косточках. Они иногда очень точно вещают. Вынула кости, посмотрела на них: ювелирная работа. У каждой двенадцать граней с четко обозначенными цифрами. Что мне от них нужно? А нужен мне от них совет, что мне теперь делать. Потрясла я их как следует и бросила на стол. Получилось $14+25+3$. Посмотрела в расшифровку: «Звезды пробудили землю. Трудитесь усердно, и через два месяца усилия ваши увенчаются большим успехом». Какие звезды? Какую землю они пробудили? И уж тратить два месяца на расследование я никак не могу. Ну ничегошеньки я в этом совете не поняла. То ли мой оракул слишком мудрый, то ли я ничего не соображаю.

Глава 5

Спала я в эту ночь отвратительно. Даже не спала, а дремала урывками. Бывает так иногда при нервном возбуждении. Задремлешь, потом просыпаешься, и кажется тебе, что уже утро. А посмотришь на часы – всего полчаса прошло. Но спать совершенно не хочется... Поворочаешься с боку на бок, посчитаешь баранов: белых отдельно, черных отдельно, забудешься и снова задремлешь. А через полчаса опять просыпаешься. Так всю ночь и промучилась.

А утром, когда подошло время вставать, уснула. Да так крепко, что не слышала, как будильник суеился, пытался меня поднять. Но ничего у него не вышло. Когда проснулась и посмотрела на часы, оказалось, что уже одиннадцатый час... Давно со мной такого не случалось.

Настроение у меня, естественно, было далеко не рабочее. А денек ожидался довольно напряженный. Прежде всего нужно было ехать в «Химсинтез» к Вересову и разбираться с утечкой информации. Такие дела всегда сложные, и соображалка должна работать как следует, на высшем уровне. А у меня голова черт знает чем забита и не только на высшем уровне, но и на самом низшем, примитивном, соображала плохо.

Во второй половине дня надо было отправляться в райотдел к Мельникову. Договорились, что приеду после двенадцати. Надо в качестве свидетеля написать отчет о встрече с покойником на моей лестничной площадке. И при этом голова тоже должна работать как следует: писать следует аккуратно, осторожно, чтобы никто потом ни к одному слову придраться не мог. И чтобы не связали этого типа с моей работой.

Прежде всего я нашла визитную карточку Вересова и позвонила ему. Сказала, что обстоятельства меня задерживают и я приеду несколько позже.

– Что вы, что вы, Татьяна Александровна! Я ведь понимаю, как вы заняты, – воспринял мою задержку чуть ли не как должное хорошо подготовленный клиент. – Приезжайте в любое время, когда вам будет удобно...

После этого я спокойно, не торопясь, привела себя в порядок, потом занялась завтраком.

И тут раздался телефонный звонок. Оказалось, звонит любезная Лариса Витальевна. «Конечно же, теперь она станет по телефону изводить меня своей благодарностью», – подумала я. И не ошиблась.

– Здравствуйте, Татьяна Александровна. Мне так хотелось вам позвонить, так хотелось... – жизнерадостно защебетала она. – Я так и подумала, что вы уже встали, у вас ведь так много работы, что вставать вам приходится очень рано (на часах уже было почти одиннадцать). Надеюсь, я вам не очень помешала?

– Да что вы, конечно, нет, – пришлось соврать. – Я очень рада вашему звонку.

– Я хочу вас еще раз поблагодарить за то, что вы сделали для нас. Понимаете, все оказалось настолько глупо, и без вашей помощи могла произойти трагедия. Так что мы оба очень вам благодарны, – продолжала она щебетать совершенно без зазора, слова некуда было вставить.

Но я все-таки уловила небольшую паузу:

– Спасибо. Мне приятно слышать, что у вас все хорошо. Вы едва меня застали, я ведь уже уходила. Дела, понимаете ли, с самого утра, – попыталась я закруглить разговор.

А она не поняла. Или не хотела понимать... Или просто считала, что своим звонком доставляет мне удовольствие.

– Да, я ведь что хотела спросить у вас. Вы вчера у себя на лестничной площадке ничего не нашли?

Вот тут я вроде бы и голос потеряла. Нашла я вчера на лестничной площадке, еще как нашла...

– Я еще вчера хотела позвонить, но не решилась. А сегодня, думаю, дай все-таки спрошу. Не то чтобы я очень огорчена, но все-таки...

Конечно же, она совершенно не огорчена. Чего ей огорчаться? И так весело все у нее получалось, что я никак понять не могла: или я с ума сошла, или мне наш разговор мерещится, или Вересова чокнулась.

– Понимаете, дело даже не в том, что это очень дорогая помада, – не умолкала Лариса Витальевна. – Дело в том, что она элитная, ее очень трудно достать. Я вам как-нибудь расскажу, как я ее раздобыла, это же целое приключение...

– Помада? Какая помада? – спросила я, но голос прозвучал как-то хрипло.

– Да я, понимаете ли, когда мы уходили от вас, остановилась на лестничной площадке поправить губы. А потом положила помаду в сумочку. Пришли домой, а в сумочке ее нет. Я и решила, что уронила ее на вашей лестничной площадке.

Вот дура! Ну разве можно так! Меня ведь чуть кондратий не хватил. «Не нашли ли вы чего-нибудь на лестничной площадке?» Ей бы такую находку... Но от сердца отлегло.

– Помаду, значит, потеряли?

– Неужели вы думаете, что я сожалела бы просто о губной помаде? Но это же Элизабет Арден! Без подделок, настоящая.

Кажется, что-то слышала я про такую фирму. Мне сразу стало грустно и обидно: жена руководителя какой-то дурацкой химической конторы пользуется элитной помадой, а я, краса и гордость сыска, молодая, с неплохим заработком, даже ничего толком не знаю про новую знаменитость... Нет, так дальше жить нельзя.

– Не видела я вашей помады. Если вы ее там уронили, так кто-то сразу и подобрал. На площадке ее искать сейчас бесполезно.

Еще бы – ребята обшарили весь подъезд, что не только тюбик помады, но и просяное зернышко, если бы оно там лежало, нашли бы.

– Жаль. Ну ничего, другую достану, – легко щебетнула Вересова.

Она, видите ли, не особенно расстроилась от того, что потеряла знаменитую помаду. Зато у меня досада не проходила: раз такое дело, чего тянуть, надо начать новую жизнь, с новой косметикой.

– Лариса Витальевна, будете себе помаду доставать, приобретите и на мой счет. Попробую Арден, может быть, и мне понравится.

– Да что вы, Татьяна Александровна, непременно понравится. Это же лучшее из того, что сейчас есть в мире косметики. Можете быть спокойны. Вам она очень пойдет...

– Ну спасибо!

– Для вас, Татьяна Александровна, все что угодно. Вы не стесняйтесь, спрашивайте. У меня, знаете ли, есть некоторые связи в торговом мире, старые знакомства. Так что могу достать все. А вы приходите к нам в гости, чайку попьем, поболтаем. Геннадий Валентинович тоже будет очень рад.

– Непременно приду, – пообещала я.

Но мне совершенно не хотелось идти к ней в гости пить чай и болтать. Разве только за губной помадой сходить? Или ну ее, эту Арден, не стоит она того, чтобы целый вечер болтать с Ларисой Витальевной...

Вот так содержательно пообщавшись с Вересовой, я позавтракала и отправилась к ее супругу.

* * *

Фирму «Химсинтез» я нашла довольно быстро, а к Геннадию Валентиновичу меня проводили. Кабинет у главы фирмы оказался не очень-то солидным по современным меркам. Клетушечка какая-то невзрачная, об одно окно со старыми коричневыми шторами. А в клетушечке письменный стол, большой шкаф с какими-то книгами и бумагами, сейф и шесть стульев. Возле стола – маленький потертый коврик, доставшийся «очевидно» в наследство от богатенького в прошлом НИИ. А на письменном столе стояли ваза с фруктами, бутылка минеральной воды и стакан, явно приготовленные специально для меня.

Шеф поспешно выбрался из-за стола и очень любезно меня встретил. После обоюдных расшаркиваний Вересов заговорил о моем гонораре и тут же выплатил его. И правильно сделал. Это хоть немного улучшило мое настроение.

– А теперь, Татьяна Александровна, займемся делом, – предложил он. – С чего начнем: провести вас по лабораториям или подробно изложить суть происходящего?

«Начнем с сути», – решила я. Но ничего принципиально нового не услышала.

– Материалы исследований, вероятно, хранятся в этом железном сундуке? – поинтересовалась я, внимательно выслушав Вересова.

– Да, все окончательные материалы находятся здесь, в сейфе.

Сейф тоже был старый, наверное, ровесник пыльным шторам, изделие времен расцвета застоя. Большой, солидный, но несурзанный какой-то. Вскрыть такой сейф специалисту – делать нечего.

– У кого имеются ключи от него?

– Только у меня, – сообщил шеф «Химсинтеза».

– А если кому-то надо просмотреть материалы? Насколько я себе представляю вашу работу, потребность в этом должна постоянно возникать.

– У нас принято, что только я могу выдать материалы. И сотрудник просматривает их здесь, в моем присутствии.

– Но это же очень неудобно.

– Зато надежно...

– Как оказалось, не очень-то и надежно...

– К сожалению, – вынужден был согласиться Вересов.

– А сделать второй ключ можно?

– Его ведь можно сделать только по основному, а его я никому в руки не давал.

– Так ли? А когда уезжаете или болеете... Кому на это время вы передаете ключ?

– Я никуда не уезжаю и никогда не боюсь.

– Вы ни разу не ощущали, что кто-то без вашего ведома заглядывал в сейф? А то ведь сейфы, случается, вскрывают и без ключа.

– Никогда. Если бы такое случилось, я бы сразу заметил. У меня там, знаете ли, определенный порядок.

– То есть вы полагаете, что в сейф забраться никто не мог.

– В этом я уверен. И уверен в том, что утечка информации есть.

– Понятно. Тогда давайте знакомиться с вашей фирмой...

Вначале мы прошли по всем кабинетам. Вересов показал мне бухгалтерию. Потом небольшую комнату, где за столами сидели четыре немолодых дамы и что-то писали. Когда мы вошли, все четверо, как по команде, оторвались от работы и с любопытством уставились на нас.

– Здесь у нас ведутся теоретические разработки, – пояснил глава «Химсинтеза», и мы тут же покинули комнату с дамами-теоретиками.

Побывали мы также на складе реактивов, в комнате, где были собраны полуфабрикаты и образцы продукции, разработанной фирмой. А потом отправились в лаборатории. Их было две. Две довольно большие комнаты с громадными вытяжными шкафами, заставленные длинными столами и полками, на которых разместились сотни различных бутылочек, колбочек, пробирок, реторт и прочих, не знаю как их назвать, стеклянных сосудов самых причудливых форм и немыслимых конфигураций. А за столами в белых халатах стояли или сидели работники лабораторий и что-то делали. Что именно, не знаю. Одни что-то подогревали, другие что-то с чем-то смешивали, третьи рассматривали что-то в микроскопы, четвертые записывали что-то в большие тетради... В общем, все были очень заняты, у всех был очень умный и серьезный вид, и на нас никто не обращал внимания. Хорошо, что я не пошла учиться на химфак. Сколько бы меня ни учили, я все равно бы не разобралась в такой умной науке, как химия.

Экскурсия на этом закончилась, и мы вернулись в кабинет Вересова.

– Что они там записывают? – поинтересовалась я. – В лабораториях, куда мы заходили, некоторые что-то записывали в большие тетради, – я теперь каждую запись считала потенциальной возможностью раскрыть секреты фирмы.

– Это результаты отдельных опытов.

– Все они связаны с вашим новым волокном?

– Нет, что вы. Мы ведь работаем не только над этим волокном. У нас целый ряд оригинальных разработок и с волокнами, и с пластмассами. Специалисты проводят опыты и заносят в специальные тетради записи о результатах.

– А по этим записям можно узнать что-нибудь о процессе создания нового волокна?

– Нет, конечно. Это ведь просто результаты отдельных опытов. Понимаете, как отдельные страницы книги. Каждую из них можно прочесть, но представления о книге они не дадут. А вот если собрать их все и разложить по порядку, тогда и получится книга. Так и здесь: если результаты всех опытов проанализировать и выстроить в определенном порядке, становится ясно, чего мы добились. Но такое происходит только на уровне нашего технического директора. Эту должность занимает очень опытный специалист Евгений Константинович Чернов. Он занимается анализом.

– А в этом Чернове вы уверены?

– Татьяна Александровна, я скорей заподозрил бы самого себя, чем его. Он не только прекрасный специалист, но и человек высочайших моральных принципов. Мы с ним основатели этой фирмы. У него светлейшая голова, именно поэтому он стал техническим директором, а я – только директор-организатор. Все исследования на его плечах, и он более всех остальных заинтересован в приоритете нашей фирмы. Кстати, идея создания нового волокна – наша совместная идея. Причем, откровенно говоря, более его, чем моя.

– А сотрудники, работающие конкретно над волокном... Кого-нибудь из них ваши конкуренты подкупить могли?

– Знаете, Татьяна Александровна, в основном это очень порядочные люди. Но теоретически рассуждая – могли. За каждого я поручиться не могу.

– Значит, среди них и надо искать утечку...

– Видите ли, каждый сотрудник работает над локальной проблемой. По тем опытам, которые он проводит, общую картину производства, всю технологию, ни один из них достаточно точно определить не сможет. Так что материал, собранный каждым в отдельности, нашим конкурентам никакой пользы не принесет. А уж такого, чтобы они все вместе занимались передачей информации, никак быть не может.

– Но если кто-то очень захочет представить себе общую картину, может он во время работы достаточно подробно ознакомиться с данными, которые получили его товарищи? Как вы считаете?

– Ну, при определенных способностях, пожалуй, сможет... Но это очень уж сложно, почти невероятно.

– Итак, подведем итоги: два человека имеют полный доступ ко всей информации, но они вне подозрения. Есть еще группа людей, каждый из которых, теоретически, мог бы продать информацию конкурентам, но они этого сделать не могут по той причине, что не обладают ею в полной мере...

– Совершенно верно, – подтвердил Вересов.

– Но вам придется также согласиться, что наибольшее подозрение вызывают именно эти две категории работников вашей фирмы: с одной стороны – вы с Черновым, с другой – группа разработчиков. Третьего, как говорится, не дано.

– Э-э, видите ли, – Вересову такая мысль была явно не по душе, но деваться ему было некуда. – Да, да, в определенной степени...

– И обе эти группы нам придется проверить. Другого пути поиска истины я не вижу. Будем пока считать, что вы и Чернов вне подозрения, и начнем с группы, непосредственно работающей над вашим негорючим волокном. Сколько человек занимаются этой проблемой?

– Непосредственно – четыре человека.

– Вот и хорошо. Расскажите мне о них. Только не торопитесь, мне кое-что записать надо.

Я приготовила записную книжку.

– Прежде всего Коноплянников Андрей Николаевич, – начал Вересов медленно. – Ведет тему Чернов, а Коноплянников его правая рука. Он наш старый работник и опытный специалист. Мы знакомы с ним многие годы, еще по институту. Он не может пойти на предательство.

– А если хорошо заплатят? – мне-то приходилось встречаться со случаями, когда не то что фирму, но все, что есть родного, предавали из-за денег.

– Нет!

В этом сотруднике Вересов был совершенно уверен.

– Хорошо, давайте дальше.

– Верочка Лаврентьева. Очень умная девушка, все на лету схватывает. И чрезвычайно работоспособная. Трудится весьма плодотворно, кандидатскую пишет. На наших же материалах.

– Молодая?

– Молодая и очень симпатичная.

Молодые и очень симпатичные как раз и занимаются промышленным шпионажем.

– Как она одевается, как смотрится?

– Ну, обыкновенно одевается. Я бы даже сказал, неплохо одевается. Смотреть на нее всегда приятно. Вы ведь ее видели, когда мы были во второй лаборатории. Брюнетка с голубыми глазами.

На брюнетку с голубыми глазами я действительно обратила внимание. Как она одевается, по халату определить нельзя, но голубой «чепчик» на голове очень симпатичный. Золотой перстенок, дорогие сережки, на шее золотая цепочка. И губная помада не из дешевых. Все это я машинально отметила, когда проходила по лаборатории, а сейчас припомнила.

– Зарплата у ваших сотрудников какая?

– Разная. От должности, опыта работы, наконец, от пользы, которую они приносят, зависит. Мы ведь не государственная организация, у нас твердых ставок нет. Откровенно говоря, зарплата невысокая, платим столько, чтобы люди держались, не уходили. Сейчас вроде бы некоторая безработица, но хороших специалистов не так легко найти. Верочка, в частности, получает около трех тысяч рублей.

– Понятно, понятно, давайте дальше.

– Дальше Крон, Альберт Крон. Тоже из молодых и тоже весьма способный юноша. Может сидеть в лаборатории сутками. Но внешне весьма странный молодой человек. Одевается очень пестро. Не знаю, может быть, сейчас мода такая. Галстучки самой неожиданной расцветки, волосы длиннющие, косички заплетать можно. В кармане всегда плеер. Сидит, работает и музыку слушает. Мне это, откровенно говоря, несколько непонятно. Хороший работник, а так вот выглядит... Но приходится мириться.

Этого я в лаборатории тоже заметила. Длинный, под два метра, на голове наушники. Уставился на какую-то пробирку и замер. Непонятно, то ли он музыкой так увлекся, что все остальное ему в тот момент до лампочки было, то ли весь в работу ушел, а от внешнего мира наушниками отгородился, чтобы он ему не мешал. Любопытная, должно быть, личность. Во всяком случае, неординарная.

– Да, машина у него есть...

– На ваши три тысячи с вычетом налогов?

– Не знаю, не знаю. Может быть, у него родители богатые.

Вересов рассказывал, а я делала пометки в записной книжке. Не помню уж, кто сказал, что плохие чернила всегда лучше хорошей головы. Я этому правилу – делать записи – следую всегда, когда только возможно.

– А кто четвертый?

– Четвертый... – Вересов усмехнулся. – Четвертый, как это положено, Сидоров. Василий Иванович Сидоров. Отец большого семейства, безотказный работяга. Еле сводит концы с концами. Он и на стороне подрабатывает. Все это знают, но никто его упрекнуть не может. Вы его тоже видели, он во второй лаборатории в самом углу сидит.

Но Сидорова я, сколько ни старалась, припомнить не смогла. Наверно, такой уж он, этот Сидоров, незаметный человек.

Да, компания подобралась интересная. Вне подозрения здесь на первый взгляд, кажется, только Коноплянников, который «правая рука». А остальными следует поинтересоваться.

– Давайте так поступим, – предложила я. – Вы мне дадите личные дела всей группы, а потом я побеседую с каждым по отдельности... Можно это сделать?

– Вполне.

Геннадий Валентинович открыл сейф, вынул оттуда и положил на стол пачку нетолстых папок, десятка полтора.

– Здесь личные дела всех химиков. Всех, кто непосредственно связан с исследованиями. Как видите, их немного, можете просмотреть все. И угощайтесь. Фрукты приготовлены специально для вас. А я, чтобы не мешать, пойду в лабораторию. У меня и там дел немало.

* * *

Я взяла из вазы громадное красное яблоко, вгрызлась в него и стала выбирать нужные мне папочки с личными делами потенциальных предателей вскормившей и вспоившей их родной фирмы «Химсинтез».

Неторопливо полистала одно дело, другое... И это называлось «личными делами»! Во время работы в прокуратуре мне приходилось читать личные дела, составленные еще в старые времена. Вот это действительно были «личные дела». По ним можно было узнать о человеке даже то, что он сам давно забыл. Где бывал и почему туда ездил, и есть ли родственники там, где их не должно быть, и насколько предан своему делу и своему социалистическому Отечеству... И устойчив ли морально или не совсем. Встречались такие характеристики, что закачаешься! Прочтешь иное личное дело, и весь человек перед тобой – с

его характером, увлечениями, склонностями, взысканиями и всем остальным. А сейчас... Деградируют у нас некоторые службы, ох и деградируют... Когда родился и про семейное положение есть, но об увлечениях, о слабостях – ни слова. И про все остальное тоже ничего не сказано.

Я, конечно, вовсе не тоскую по старым временам, но работать с такими личными делами, как эти, просто невозможно. Из них только возраст и домашний адрес узнать можно.

Пролистала я четыре папочки, и никакой у меня ясности не появилось. Взять, к примеру, Альберта Крона. Чем он дышит, непонятно. И отчего у него машина есть? Родители подарили или сам купил? Если родители – одно дело. Если сам купил – совершенно другое. Потому что на заработанные в «Химсинтезе» деньги не может научный сотрудник купить машину. Значит, следует искать каналы побочных доходов...

Или тот же Василий Иванович Сидоров. Семья большая, четверо детей. Такую семейку прокормить не просто. Во всяком случае, на ту зарплату, которую он здесь получает, вряд ли это удастся. Встает вопрос: жена работает или нет? Если работает, то где и сколько получает? Вересов сказал, что Сидоров подрабатывает. Где именно и что он там делает? И об этом ничего не сказано. Может быть, он в конкурирующей фирме подрабатывает. Днем здесь, а вечером там. Вот вам и канал утечки информации.

Верочка Лаврентьева. Тоже папочка маленькая, худенькая. Листок по учету кадров, копия диплома, заявление с просьбой принять на работу и копия приказа о зачислении в штат. И еще автобиография на полстраницы. А меня интересует, как Верочка одевается, какие украшения покупает и сколько они стоят. Я, конечно, понимаю, что вообще-то это никого интересовать не должно. В обычной обстановке. Но когда намечается криминал, во всем надо разбираться.

Одним словом, ничего мне личные дела не дали, только на фотографии посмотрела. Кстати, Вересов очень точные характеристики дал: Сидоров – работяга, Крон – модник с заскоками, а Верочка – очень симпатичная девушка... Что же мне теперь делать? Говорить с этим трио о сути дела никакого смысла нет. Кто же просто так признается, что передает информацию конкурентам... Следить за каждым? Это займет столько времени, что Вересов, мой заказчик, дело не потянет. Одним еще можно было бы заняться всерьез, но не всеми же... Интересно, кто же из них работает на сторону: обремененный семейными заботами работяга, легкомысленный и не стесняющий себя в деньгах юноша или симпатичная и, кажется, не по средствам одевающаяся девица?

Следует, наверно, сначала с руководителем поговорить. Я заглянула в свои записи – с Евгением Константиновичем Черновым... Он ведь с ними непосредственно работает. Вполне может знать то, чего в личном деле нет и быть не может: у кого из его сотрудников больше возможностей получить широкую информацию о новом волокне.

Я выбрала папку, на которой очень красивыми большими буквами было написано имя технического директора «Химсинтеза». Это же надо, какой у людей бывает красивый почерк. А мне вот с почерком крупно не повезло. Пишу быстро, но такие каракули, что самой не всегда удается разобрать, что написала.

Что ж, давайте познакомимся, Евгений Константинович. Я открыла папку и посмотрела на фотографию. Очень приятное лицо. И почему-то очень знакомое. Я попыталась вспомнить, где видела его, но не смогла. Так... Закончил химический факультет, оставлен в аспирантуре. Успешно ее закончил. Кандидат наук. Заведующий лабораторией в научно-исследовательском институте. Где же я его видела... Я опять посмотрела на фотографию. Определенно очень знакомое лицо... Точно встречались с ним. Но где, вспомнить все не удавалось. Но ничего, потом обязательно вспомню.

Так, смотрим дальше... Зачислен техническим директором НПКФ «Химсинтез»... Что еще мы можем узнать о Евгении Константиновиче? Почитаем автобиографию... Понятно,

отец и мать тоже химики. Наследственная профессия. Биография весьма простенькая: школа, вуз, аспирантура, НИИ, фирма. Может, в каком-нибудь бразильском сериале видела? Там такие представительные мужчины играют благородных отцов. Нет, вряд ли, я ведь сериалы давно не смотрю. Когда они только появились, поглядывала, а потом надоело.

Почему же лицо Чернова так знакомо? Точно я это лицо видела, и совсем недавно. Я опять уставилась на фотографию. Ему явно за сорок, даже ближе к пятидесяти. Густые темные волосы с проседью, зачесанные назад. Широкие брови, крупный нос, четко очерченные губы...

Ох, кажется, знаю: это он вчера лежал на моей лестничной площадке! Ручаться, конечно, не могу, мертвый человек не всегда похож на свою фотографию. Но... что ж, надо проверить.

Я вышла в коридор и первую же проходившую мимо девушку попросила найти Вересова и сказать, чтобы он срочно вернулся в свой кабинет. А сама опять уселась за стол и уставилась на фотографию Чернова.

Вересов пришел очень быстро.

– Вы меня звали, Татьяна Александровна? Определились с чем-нибудь или как?

– Да нет, так сразу определиться довольно сложно, – не стала я обнадеживать клиента. – Просто у меня появилось несколько вопросов, которые можно решить только с вами.

– К вашим услугам.

– Прежде всего мне хотелось бы встретиться с вашим техническим директором.

– Гм, – Вересов развел руками. – Боюсь, Татьяна Александровна, это сейчас невозможно.

– Его что, нет на работе?

– Да, понимаете ли... То есть вот именно, нет, – Вересов помялся и как-то неохотно произнес: – Сейчас его здесь нет.

– Но надеюсь, он будет сегодня?

– Думаю, что будет.

– Геннадий Валентинович, у меня такое впечатление, будто вы чего-то недоговариваете. Давайте откровенно: где ваш технический директор и как я могу с ним встретиться?

Вересову явно не хотелось сейчас говорить о техническом директоре. Он немного пожевал губы, поморщился и в конце концов решился.

– Понимаете, он сегодня не вышел на работу.

Когда человек не выходит на работу, тайны из этого обычно не делают. Если, конечно, за этим не скрывается что-нибудь серьезное.

– Это разве настолько необычно?

– Понимаете, Евгений Константинович человек пунктуальный. Он считает, что человек должен успевать выполнить все, что нужно по работе, в рабочее время. Поэтому Евгений Константинович всегда приходит на работу ровно в девять часов утра, а уходит домой в шесть часов вечера. Всегда. Понимаете, всегда.

– Странно... Рядовые работники, как вы недавно говорили, задерживаются, допоздна работают в лабораториях, а руководитель уходит.

– Это у него принцип такой. И потом: он всегда успевает сделать все, что должен, в рабочее время. Ни разу из-за него не было никакой задержки...

– Может быть, он заболел?

– Нет, не заболел, – Геннадий Валентинович, кажется, решил наконец-то быть откровенным до конца. – Дома его тоже нет. Жена звонила. Понимаете, вчера вечером он ушел из дома и до сих пор не вернулся. Жена очень беспокоится. И я, знаете ли, тоже беспокоюсь. Боюсь, не случилось ли чего плохого...

Так, похоже, я на правильном пути. Но как Чернов мог оказаться на моей лестничной площадке? Вот это совершенно непонятно... И тут меня осенило. Кажется, первый раз за сегодняшний день.

– Геннадий Валентинович, вы с кем-нибудь делились, кому-нибудь рассказывали о своем намерении пойти ко мне?

– Нет, ни с кем не делился.

Раз Чернов оказался под моей дверью, значит, явно шел ко мне. А идти ко мне он мог лишь в одном случае: если знал, что я займусь утечкой информации из фирмы.

– А вы вспомните... Разве Чернову вы об этом не рассказывали?

– Что значит рассказывал? Это наше общее решение. Мы с ним обсудили положение и решили, что я пойду к вам и попрошу вас помочь. А больше никто об этом не знает.

– Слышать этот ваш разговор с Черновым кто-то мог?

– Исключено.

Потом он, очевидно, вспомнил о моем миниатюрном микрофоне и поправился:

– Конечно, при современной технике всякое можно предполагать...

– Ясно. Геннадий Валентинович, мне бы хотелось, с вашего разрешения, посмотреть кабинет вашего технического директора.

– Без него это не совсем удобно, – засомневался он.

– Это необходимо для дела.

– Раз необходимо, то пойдёмте.

Мы подошли к кабинету Чернова. Вересов послал какую-то девицу за ключом, и вскоре я имела возможность осмотреть рабочее место второго человека в «Химсинтезе». Кабинет как кабинет. Такая же клетушка, как у главы фирмы. Даже еще меньше. И сейф поменьше. Собственно говоря, даже не сейф, а железный ящик на полу. Коврик возле стола совсем маленький. И стульев не шесть, а всего четыре. И шторы на окне такие же старые и пыльные, но зеленого цвета.

– Вы говорили, Чернов ведет журнал разработок нового волокна. Вероятно, он держит журнал здесь, в этом железном ящике?

– Совершенно верно. Предварительные сведения, так сказать, результаты опытов. Потом мы вместе над этими материалами сидим, думаем, систематизируем, приводим в порядок, оформляем окончательно.

– Ящик открыть можно?

– Конечно, конечно...

Вересов приподнял край коврика и вынул оттуда небольшой ключ.

Уж сколько раз твердили миру: не оставляйте ключи от квартиры под ковриком! Но ведь не слушают. Оставляют, и все... Потом жалуются, что их ограбили. Да о том, что ключ лежит здесь, под ковриком, вся фирма знает, и все знакомые работающих в фирме тоже знают.

– М-да, – сказала я. – Не кажется ли вам, уважаемый Геннадий Валентинович, что ключ этот спрятан несколько ненадежно?

– Что вы, что вы, мы никому не говорили, что ключ лежит здесь, – с высшей степенью наивности ответил на мой ехидный вопрос ученый муж. – Только я и Евгений Константинович знаем. А держать его здесь очень удобно.

Я спорить не стала. В подобных случаях спорить бесполезно. Таких беспечных олухов, каким оказался мой клиент, только сама жизнь может научить.

Вересов открыл железный ящик. В нем лежала аккуратная стопка общих тетрадей. Все в красных обложках, одного размера, как близнецы похожие друг на друга. Более ничего я в этом ящике не увидела.

– Это и есть журналы, в которые Чернов записывает результаты опытов?

– Совершенно верно.

– Посмотрите, пожалуйста, все ли тетради на месте. Даже не так: на месте ли тетрадь с последними записями?

Вересов взял три верхних тетради и стал просматривать их. Полистал, как-то неопределенно хмыкнул и вытащил всю пачку, штук десять или больше. На обложке каждой тетради стояла дата, когда ее начали заполнять и когда закончили, так что он быстро разобрал их и разложил по порядку. Потом опять хмыкнул и проверил, правильно ли разобрал. Вид у него был несколько растерянный.

– Знаете ли, я ничего не понимаю, – признался он. – Нет последней тетради, результатов работы за последний месяц...

Вот так. Этого я и ожидала.

– Очень боюсь... – заговорила я, – что исчезновение вашего технического директора, пропажа тетради с записями результатов опытов и успехи конкурирующей фирмы связаны между собой.

– Вы хотите сказать... – мои слова, по-видимому, были для него настолько дикими и неприемлемыми, что он даже не решился договорить фразу.

– Вот именно, – подтвердила я. – Именно это я и хочу вам сказать.

– Такого не может быть, – не согласился он.

– Но факты, Геннадий Валентинович, факты...

– Все равно не может быть.

Он был настолько убежден в том, что его технический директор не мог передавать информацию конкурирующей фирме, что даже меня на некоторое время поколебал. Но только на короткое время, потому что фактам я привыкла верить. У меня были факты, а у него только эмоции.

– В любом случае с этим делом теперь будут разбираться, – сообщила я ему. – Потому что ваш технический директор вчера был убит.

Потом я отпаивала Вересова минеральной водой и успокаивала его. А когда он пришел в себя, то потребовал подробностей. А мне не хотелось сейчас говорить о подробностях. Я только сказала ему, что Чернов был убит выстрелом в сердце. Совершенно не мучился. Даже боли не почувствовал, сразу умер. А с подробностями он сумеет ознакомиться несколько позже. Сейчас же нам с ним необходимо ехать в милицию.

– Прямо сейчас? – Ему очень не хотелось ехать в милицию. Почему-то в милицию не хочется ехать никому. Мне, между прочим, тоже. Но надо же.

– Да, прямо сейчас. Геннадий Валентинович, это крайне необходимо. Стопроцентной уверенности, что убит именно Чернов, у меня нет. Вы должны опознать покойного. Или сказать, что это не он. Для следствия очень важно сделать это как можно быстрее.

В конечном итоге я убедила Вересова, что ехать в милицию нам необходимо. А потом позвонила Мельникову. К моему счастью, он оказался на месте.

– Слушай меня, Мельников, и не перебивай, – попросила я. – И, пожалуйста, без шуток, мне не до них. Сейчас я приеду к тебе в отдел с одним ответственным человеком. Я полагаю, он знает убитого вчера мужчину. Надо провести опознание. Если это именно тот человек, что я думаю, то многое прояснится. Понял?

– Понял! – когда надо, Мельников становится удивительно понятливым и удивительно покладистым. – Приезжайте. Жду вас.

– Нас ждут, – повторила я Вересову. – Пойдемте.

И мы пошли. А внизу, у выхода, меня опять осенило. И я тормознула у вахтера, пожилой миловидной женщины, вроде бы охранявшей это научно-коммерческое учреждение от всех напастей. Какая уж там охрана! Если кто-то захочет войти сюда без спроса, она его все равно задержать не сумеет. Разве что крик поднимет, в лучшем случае. Но все равно, вах-

тера иметь положено, для порядка. Хотя определенная польза от него все-таки есть: и ключи работникам выдает, а потом обратно их собирает, и почту принимает. И, наконец, у нее всегда можно узнать, кто когда ушел и кто когда пришел. А вот это меня как раз и интересовало.

– Простите, Геннадий Валентинович, я хотела бы задать несколько вопросов вахтеру.

– Конечно, задавайте, – его мысли были где-то далеко-далеко, и я не уверена, что он понял меня. Но это не имело никакого значения.

– Скажите, пожалуйста, – спросила я у миловидного стража порядка, – вчера вы здесь были или кто-нибудь другой?

– Я дежурила. До десяти вечера сидела. Сменщица позже пришла, у нее гости были, вот и пришлось мне задержаться. Так-то мы в семь часов меняемся, – страж отвечала весьма словоохотливо, и это было хорошо.

– Не помните, когда вчера ушел с работы Чернов?

Словоохотливость словоохотливостью, а начальство вахтерша почитала, так что, прежде чем ответить на мой вопрос, посмотрела на Вересова.

– Да-да, в какое время он ушел? – механически поддержало меня начальство, и вахтерша охотно распахнула шлюзы своего красноречия.

– Евгений Константинович, как всегда, ровно в шесть ушел. Остановился около меня, ключ отдал, пожелал спокойного дежурства. Он всегда, когда домой уходит, спокойного дежурства желает. Очень вежливый человек. И когда приходит на работу, всегда спрашивает, как дежурилось. Здоровьем интересуется, внуками... Однажды мазь принес мне, от радикулита очень хорошо помогает.

Меня совершенно не интересовало, насколько Чернов вежливый человек и какими проблемами из жизни вахтерши он интересуется. Но я не прерывала ее. Пусть говорит, авось скажет что-нибудь важное, нужное мне.

– А вот когда вечером приходит, это, значит, когда после работы опять забегает, никогда не разговаривает, – продолжала вахтерша. – Рукой вот так помашет, – она показала, как Чернов машет рукой, – ключ возьмет и к себе, на второй этаж.

– И часто он по вечерам приходит?

– Нет, редко. А вчера был, вчера как раз приходил...

Тут и Вересов прислушался, сообщение его заинтересовало.

– В какое время он вчера приходил?

– А после восьми, как раз по радио известия передавать кончили. Пришел, рукой помаhal (она опять показала, как махал рукой Чернов), ключ забрал и к себе наверх. Только он там долго не задержался. Он, когда по вечерам приходит, никогда долго не задерживается. Минут пять, не больше. Туда и обратно. Вроде как забыл чего-то... Пришел, взял и опять ушел...

– В руках что-нибудь нес?

– Нет, ничего не нес. Как пришел с пустыми руками, так и ушел. Ключ отдал, рукой помаhal и ушел. Ни слова не сказал. А что, пропало чего-нибудь? – Эх, как у нее глаза-то загорелись... – Или случилось чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.